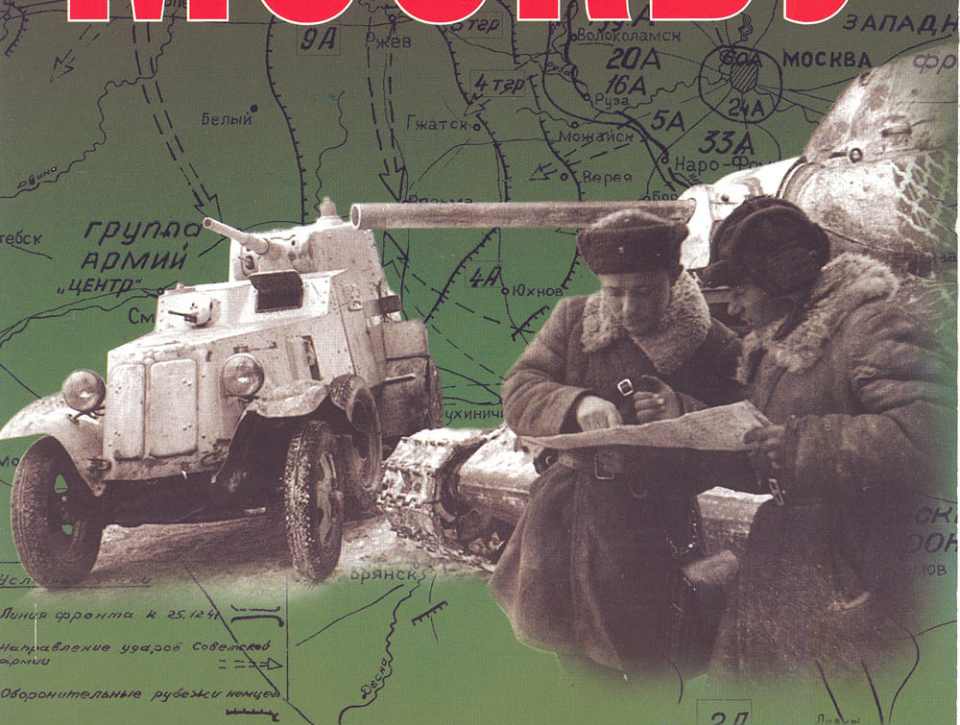
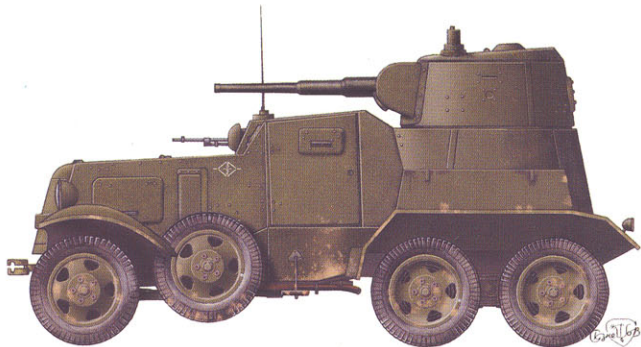

Сергей БЫЛИНИН

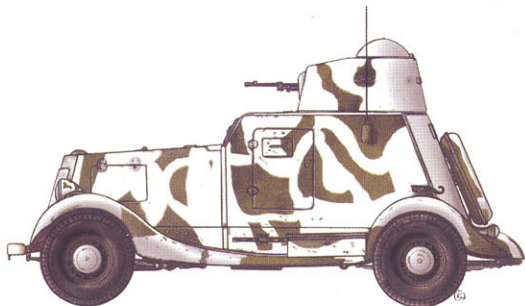
БИТВА ЗА МОСКВУ

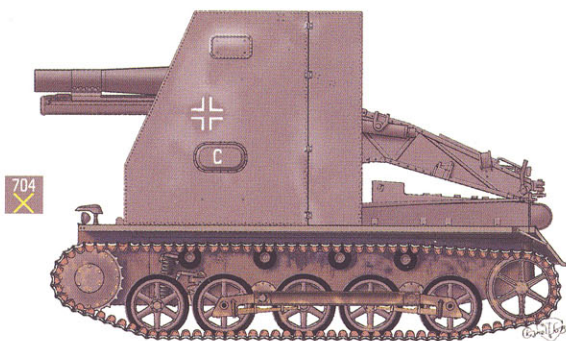
ЭКСПРИНТ

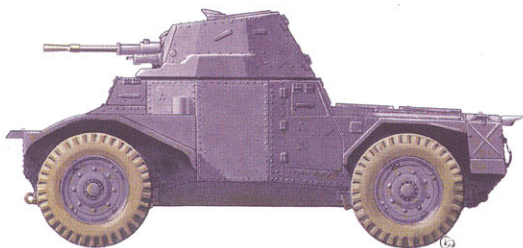
Бронеавтомобиль БА-10 из 1-й гвардейской танковой бригады. Западный фронт, декабрь 1941 года.

Бронеавтомобиль БА-20М из 112-й танковой дивизии Красной армии. Западный фронт, декабрь 1941 года.

150-мм самоходное орудие на подвижном лафете sIG 33 auf Pz.Kpfw. I Ausf B из 10-й танковой дивизии вермахта. Группа армий «Центр», ноябрь 1941 года.

Броневик французского производства Panhard-178 из 7-й танковой дивизии вермахта. Группа армий «Центр».

Серия «Экспринт: Фонд военного искусства»

С. Былинин

БИТВА ЗА МОСКВУ

Экспринт
2004

Участник наполеоновских войн и военный историк Карл Клаузевиц еще в XIX веке сформулировал один из основных тезисов военного дела, суть которого заключается в следующем. Воюющие армии намеренно стремятся или неизбежно приводятся развитием военных действий к главному (генеральному) сражению. И если в этой решающей битве ни одна из сторон не одержит убедительной победы, то дальнейший ход войны будет определяться другими факторами — временем и резервами. Иными словами, победу одержит тот, кто сумеет и успеет подготовить большее количество «ударных» резервов для окончательного сокрушения противника.

Первая мировая война подтвердила действенность этого тезиса. Более того, поскольку к началу XX века способы и средства вооруженной борьбы претерпели серьезные изменения по сравнению со временами Наполеона, то для победы над врагом стали необходимы многократно большие усилия по мобилизации людей и экономических ресурсов государства. Буквально превращение всей страны в единый военный лагерь и организация последовательных генеральных ударов по противнику, которые, в конечном счете, приводят к истощению и крушению его технической мощи и моральной силы. Воевать стали не просто армии, — мобилизованные народы, воодушевленные определенными идеями.

Национал-социалистское руководство Германии, пришедшее к власти в 1933 году, отчетливо осознавало ограниченность ресурсов своей страны и неспособность ее к затяжной войне на истощение. Поэтому в своем стремлении вывести Германию на роль мирового лидера оно сделало ставку на доктрину блицкрига или «молниеносных» войн и кампаний, и в дальнейшем упорно придерживалось этой теории. К середине 1930-х годов развитие новых видов вооружений (танков, бронемашин, боевых самолетов, а также средств связи) привело к резкому увеличению количества подвижных моторизованных соединений в армиях всего мира. Прежняя тактика боевых действий, выработанная в ходе неторопливой и позиционной Первой мировой войны, подверглась решительному пересмотру. «Война моторов» позволяла быстро сосредотачивать основные ударные силы на узких участках фронта, добиваться там решительного превосходства над врагом и, взломав его оборону, стремительно развивать успешное наступление. Появилась реальная возможность быстрого разгрома вооруженных сил противника до того, как он сможет осуществить свои мобилизационные планы и опереться на неисчислимые ресурсы и резервы. Именно на таком развитии военных действий и была основана идея блицкрига, которую немецкие генералы с успехом осуществляли в первый период Второй мировой войны. Сражение под Москвой, развернувшееся с начала октября и продолжавшееся до конца 1941 года, положило конец этому успеху.

Битва за Москву как одно из основных событий Второй мировой войны всегда привлекала интерес военных историков неожиданным поворотом своего развития. Наачало битвы обернулось для советских войск катастрофой. Два фронта были разгромлены, четыре армии попали в окружение. И, казалось, немцам ничто уже не сможет помешать довершить свой победоносный бросок на Москву. Но вдруг... они терпят оглушительное поражение, за которым с неизбежностью последовал полный крах быстротечной кампании на Востоке. Как и почему это произошло?

В данной работе сражение рассматривается с точки зрения важнейших решений немецкого и советского верховных командований и командований фронтов, определивших ход и результат Московской битвы. Мы хотим показать столкновение военных доктрин, замыслов и планов, полководческих умов немецких военачальников, приверженцев германской школы блицкрига, и советских военачальников — наследников русской военной школы.

Основные события и решения перед началом Московской битвы

18 декабря 1940 года Гитлер утвердил директиву № 21 — план «Барбаросса». Высший германский генералитет, разработавший его, верил в возможность быстрого уничтожения СССР. В стратегическую основу плана была положена идея быстротечной «молниеносной» войны продолжительностью в несколько недель. Ударами трех мощных групп («Север», «Центр» и «Юг») планировалось окружить и уничтожить советские войска в западных обла-

стях страны, захватить Ленинград, Москву, Киев и быстро выйти на конечный рубеж: линию Архангельск — Волга. Особое значение придавалось захвату Москвы. Ее предполагалось захватить с ходу к 15 августа 1941 года после выхода к Смоленску. Считалось, что с падением Москвы достигались главные политические и военные цели. К 1 октября 1941 года планировалось закончить войну.

Таким образом, в плане «Барбаросса» была заложена неизбежность генерального сражения в кампании 1941 года. Но развернулось оно не в той оперативной обстановке, которую предполагало немецкое командование.

Ныне, увлекаясь раскрытием «всевозможной правды о войне», много пишут о неудачах и утратах 41-го года, о постоянных окружениях, о панике и хаосе, о «танковых погромах» и прочих больших потерях. Но так возникает опасность «за деревьями не увидеть леса». А между тем, полного уничтожения советских войск в западных областях не произошло. Хотя Красная армия потерпела тяжелейшие поражения и понесла огромные потери, она не утратила боеспособности и продолжала сопротивляться. К началу августа ни Ленинград, ни Киев не были взяты немцами, а на западном направлении развернулись ожесточенные бои под Смоленском.

Вермахт также понес значительные потери. За первые три недели боев — 92 тыс., а к концу августа 410 тыс. человек и половину своих танков. Возможно, цифры наших и немецких потерь в тот период несопоставимы. Тем не менее, в результате упорного сопротивления советских войск начальное продвижение немцев снизилось с 30 — 40 км до 5 — 6 км в сутки.

Танки Pz.Kpfw.III и мотопехота из 11-й танковой дивизии вермахта. Советско-германский фронт, октябрь 1941 года.

Немецкий танк Pz.Kpfw.IV и десант мотопехоты из 11-й танковой дивизии. Октябрь 1941 года.

На Московском направлении в двухмесячном Смоленском сражении войска Западного (маршал С. Тимошенко) фронта, проведя ряд оборонительных и наступательных операций, остановили натиск группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) на рубеже Ярцево — Ельня — р. Десна. Германские генералы, готовя наступление на Смоленск, считали, что Западный фронт уже обесилён и не сможет сдерживать продвижение немецких армий на Москву. Но советское командование успешно развернуло по сути дела новый фронт, а за ним еще и Резервный.

В августе 1941 года обстановка на Западном фронте стабилизировалась, у фон Бока не хватило сил для безостановочного прорыва к Москве. Блицкриг, успешно работавший в Польше и на Западе, забуксовал под Смоленском.

Для обеих воюющих сторон наступил момент подготовки к генеральному столкновению, каким вскоре станет сражение за Москву.

Германское руководство с большой тревогой воспринимало срыв сроков плана «Барбаросса». 4 августа 1941 года Гитлер созвал в штабе группы «Центр» (г. Борисов) совещание высшего командного состава. Все генералы заявили о необходимости наступления на Москву, особенно рьяными сторонниками этого плана были Гудериан (командующий 2-й танковой группой) и генерал Йодль — начальник штаба ОКХ (высшего командования сухопутных войск). Но Гитлер колебался. Он хотел сначала заполучить промышленные районы Украины,

завладеть Крымом как плацдармом для ввоза румынской нефти, разгромить Юго-Западный фронт (командующий генерал М. Кирпонос), взять Киев и выйти к Ростову — «воротам» к кавказской нефти. А уж потом заняться Москвой. Решение о направлении дальнейших ударов так и не было принято. Но гитлеровские генералы, опасавшиеся затяжной войны и полагавшие захватом столицы добиться решительной победы, продолжили лихорадочную подготовку удара на Москву с юга, через полосу Брянского фронта, в надежде, как писал Гудериан, что Гитлер, в конце концов, согласится с этим планом.

Окончательное решение Гитлер принял только 21 августа, изложив его в приказе группам армий: «Предложение ОКХ о развитии операций в направлении Москвы не соответствует моим планам. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса и лишение русских доступа к кавказской нефти...» Группе армий «Центр» приказывалось повернуть главные силы на юг и во взаимодействии с группой «Юг» (генерал-фельдмаршал К. Рунштедт) окружить и уничтожить войска советского Юго-Западного фронта.

Советское Верховное Главнокомандование (ВГК) обоснованно считало, что стабилизация на московском направлении временная, и противник не откажется от прежней цели — захвата столицы, а попытается прорваться к ней юж-

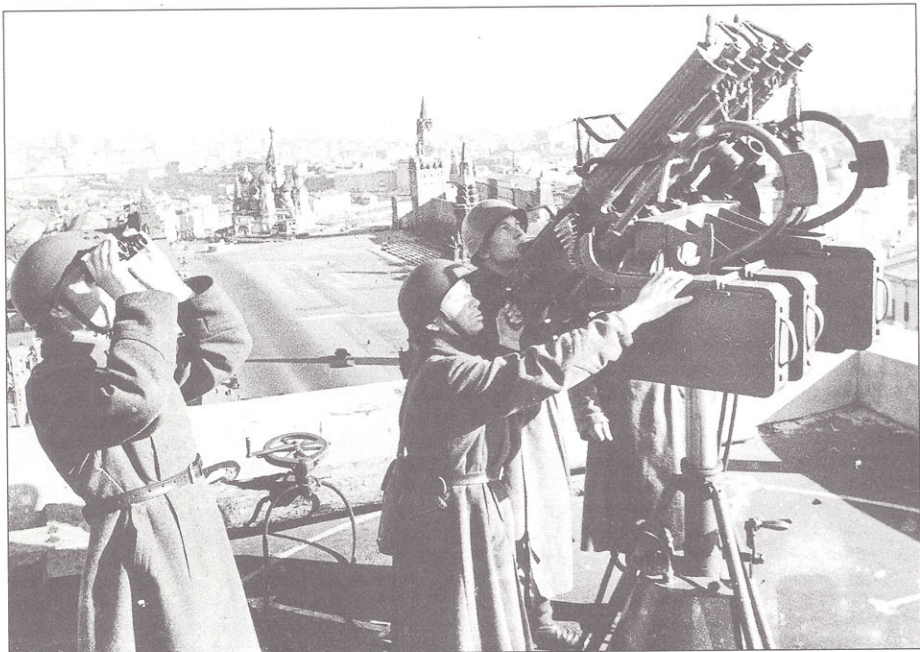
Немецкий командирский танк KIPz.Bf.Wg. 3K IV из 11-й танковой дивизии. Октябрь 1941 года.

нее, через Брянск. Для прикрытия Москвы на этом направлении 16 августа 1941 года был создан Брянский фронт. Но такая оценка была правильной до 21 августа, то есть до решения Гитлера повернуть на юг. Советская разведка, к сожалению, не смогла своевременно раскрыть новые планы немцев. Но возможность такого поворота предвидел член Ставки ВГК генерал Г. К. Жуков. 19 августа 1941 года (за 2 дня до приказа Гитлера) он направил И. В. Сталину телеграмму: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на флангах Центральный фронт и Великолукскую группировку наших войск, вре-

менно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои подвижные и танковые части бросил против Центрального и Юго-Западного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов — Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс...»

Но и после предупреждения Жукова Ставка ВГК продолжала усматривать основную угрозу в ударе на Москву. 24 августа, во время переговоров по ВЧ Сталина с командующим Брянским фронтом А. Еременко, принимается, как потом оказалось, преждевременное решение о расформировании Центрального фронта и передаче 31-й и 21-й армий Брянскому. При этом Еременко пообещал Сталину «...безусловно, разбить подлеца Гудериана». Это было слишком смелое обещание, поскольку сил для «разбития» у фронта не было. В тот же день 24 августа 1941 года Шапошников предупредил по телефону, что удара нужно ждать уже завтра или послезавтра.

Полагаясь на утверждение Ставки об ударе немцев на Москву, Еременко усиливал свой правый фланг. Но Гудериан выбрал для прорыва как раз полосу расформированного Центрального фронта и ударил не по правому (московскому), а по левому флангу и, связав его боями, основными силами устремился на юг, на-

Расчет зенитного пулемета на крыше гостиницы "Москва". Октябрь 1941 года.

Расположение ударных группировок Ф. фон Бока и план захвата Москвы в октябре-ноябре 1941 года.

встречу группе генерала Клейста. Попытка Еременко вцепиться в «хвост» Гудериану, нанести поражение ударами авиации значительного успеха не имели и не остановили немецкие колонны.

Поворот немцев на юг дал Москве еще один месяц (сентябрь) для развертывания обороны. Но приходится с горечью отметить, что «счастье» Москвы обернулось трагедией для Юго-Западного фронта, который был окружен и с огромными потерями пробивался на новые рубежи из кольца. Киев по приказу Ставки был оставлен.

Промахи и просчеты Ставки стоили дорого. Резервы, предназначенные для обороны Москвы, были израсходованы на закрытие брешей на южном крыле советско-германского фронта. Стратегическая обстановка резко осложнилась и ухудшилась.

Начало битвы. Октябрьский натиск «Тайфуна»

6 сентября 1941 года Гитлер подписал директиву № 35, получившую кодовое название операция «Тайфун». Через 10 дней фон Бок приступил к созданию ударных группировок. Его замысел состоял в том, чтобы тремя мощными ударами из районов Духовщины, Рославля и Шотки прорвать советскую оборону и окружить в районе Вязьмы и Брянска войска Западного, Резервного и Брянского фронтов. После этого полевыми армиями нанести фронтальный удар на Москву, а танковыми и моторизованными «кляццами» охватить ее с севера и юга, замкнув второе кольцо в районе Ногинска.

При том техническом и тактическом превосходстве, каким обладали тогда немецкие войска, замысел выглядел безупречным, и тем бо-

Немецкие солдаты берут советского пехотинца в плен. Западный фронт, район Вязьмы, октябрь 1941 года.

лее странным кажется теперь, что через 2 месяца он обернулся для немецких стратегов такой неожиданной «конфузией».

Немцы своим излюбленным методом глубоких танковых «обходов-охватов» впервые сокнули клещи у Минска, во второй раз так же прорвались к Смоленску, а теперь в третий раз тем же маневром, далеко разводя подвижные «кулаки» на 600-километровом фронте, решили устроить огромный «котел» вокруг Москвы.

В ночь на 2 октября 1941 года немецким солдатам восточного фронта было зачитано обращение фюрера и командования вермахта. «Немецкие солдаты! — говорилось в нем, — за неполные три месяца вы уничтожили бесчисленные дивизии противника, захватили неисчислимое количество пленных, заняли бескрайние пространства... предстоящее наступление, может быть впервые, будет рассматриваться всеми нациями Европы как общая акция по спасению континента... создана предпосылка для последнего жестокого смертельного удара».

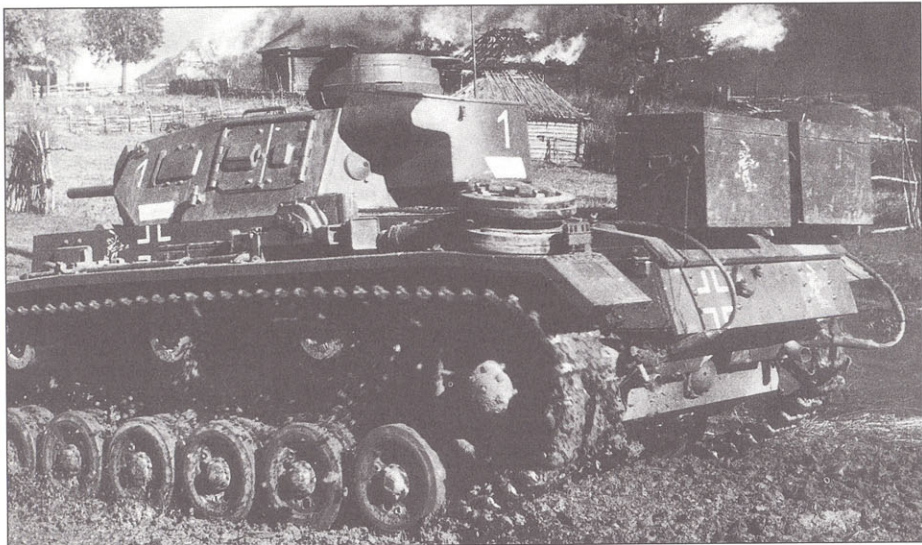
Надо отдать должное немцам как противнику, оценить по достоинству немецкую армию, сильнейшую в то время, хорошо выученную и вооруженную, имевшую опыт победоносных войн, психологически стойкую и убежденную идеологами национал-социализма в необходимости «захвата земель на Востоке» ради блага Рейха, ради «уничтожения русского большевизма», во имя «нордунг» — нового мирового порядка в Европе.

Следует также признать, как отмечал Г. К. Жуков, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда работали лучше, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкое командование в тот период лучше и глубже думало, чем наши командующие. Мы учились воевать в ходе войны и выучились, и стали побеждать немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

В маневренной «войне моторов» операции быстротечны, обстановка меняется неожиданно и резко, оборачиваясь поражением тому военачальнику, который не успевает контрманеврами парировать удары. Именно в такой ситуации оказались командования наших фронтов в начале Московской битвы, которая продолжалась три месяца и по характеру решавшихся со-

На дальних подступах к Москве. Войска и техника движутся к фронту. На дороге — гусеничные тягачи ЗИС-5 НАТИ и грузовики ЗИС-5 с противотанковыми ежами.

Немецкий танк Pz. Kpfw. III из 11-й танковой дивизии. Советско-германский фронт, сентябрь-октябрь 1941 года.

ветскими войсками задач делится на два периода: оборонительный — с 30 сентября по 6 декабря 1941 года и наступательный — с 5 декабря 1941 года по 8 января 1942 года.

Немцы сосредоточили против Москвы три четверти всех своих войск на восточном фронте. К 1 октября в группе армий «Центр» насчитывалось 64 дивизии, из них 13 танковых, 6 моторизованных, в составе трех полевых армий (9-й, 4-й и 2-й) и трех (из четырех) танковых групп (3-й, 4-й и 2-й). Их поддерживал 2-й воздушный флот. Всего 1 800 000 человек (42%), 2 000 танков (75%), 14 000 орудий и минометов (34%) и 1 320 самолетов (50%). Таких сил в составе одной группы и на одном направлении никогда раньше немцы не концентрировали. Наши три фронта (Западный, Резервный и Брянский) смогли противопоставить немцам только 1 250 000 человек, 7 600 орудий и минометов, 900 танков, 1 368 самолетов. «Тайфун» должен был смести все на своем пути.

Левофланговая группировка немцев — 9-я и 2-я армии, 3-я танковая группа Г. Гота (23 дивизии, в т. ч. 3 танковых и 2 моторизованных) — из района Духовщины нацеливалась на рубеж Вязьма — Ржев для охвата Вязьмы с севера. Центральная группировка — 4-я армия и 4-я танковая группа Э. Гёпнера (22 дивизии, в т. ч. 5 танковых и 1 моторизованная) — наступала от Рославля на Спаск-Деменск с задачей охватить Вязьму с юга. Ее фланг прикрывала 2-я армия (8 пехотных дивизий). Правофланговая группировка Гудериана — 6 пехотных, 5 танковых, 3 моторизованных — наносила главный удар на Орел — Тулу от Шостки. Одновременно возобновлялись наступления на ленинградском (на

Тихвин) и ростовском направлениях, а также в Крыму с целью лишить русских возможности подбросить подкрепления к Москве.

Плотность боевых порядков немецких ударных группировок достигала трех километров на одну дивизию, что обеспечивало немцам многократное превосходство в полосах прорывов. Например, превосходство противника в полосе 24-й и 43-й армий Резервного фронта составляло: в людях — в 3,2, в танках — в 8,5, в артиллерии — в 7 раз. К тому же оперативное построение советских войск не соответствовало надвигавшейся угрозе. Западный фронт (командующий генерал И. С. Конев) был развернут в один эшелон. Глубина его армейской обороны составляла 15-20 км, а фронтовой — 35-40 км. На Резервном фронте из шести армий две (24-я и 43-я) были развернуты между Западным и Брянским, а три в тылу Западного и одна (33-я) находилась в резерве (район

Осмотр захваченного немецкого танка Pz. Kpfw. II из 10-й танковой дивизии. Западный фронт, март 1942 года.

Штурмовое орудие StuG III из 226-го дивизиона штурмовых орудий форсирует водную преграду. Западный фронт, ноябрь 1941 года.

Спасск-Деменска). Такое построение затрудняло управление армиями 1-го эшелона, находившимися в отрыве от главных сил. На Брянском фронте три ослабленные в боях армии занимали полосу в 290 км.

Начало битвы за Москву осложнилось просчетами Ставки и командований фронтов. К двадцатым числам сентября Ставка установила, что немцы готовят новое крупное наступление и, учитывая неподготовленность наших войск к «серьезным наступательным операциям», отдала 27-го приказ: Западному и Брянскому фронтам «закопаться в землю» и лишь при необходимости улучшения позиций предпринимать частные операции. 29 сентября маршал Б. Шапошников подтвердил директивой порядок их проведения. Но приказ явно запоздал, а при дефиците времени проведение каких-либо частных операций отвлекало силы от укрепления обороны и вело к лишним потерям. Резервному же фронту вообще не была поставлена задача перейти к обороне.

Ремонт танков Т-26 на одном из заводов Москвы. Декабрь 1941 года.

Для советских войск Московская битва началась в условиях большого некомплекта людей и вооружений. При малой плотности войск оборонительные рубежи строились по очаговому принципу и не обладали достаточной глубиной. Вся система огневого поражения была малоэффективной и соответственно оборона в целом оказалась уязвимой для ударов немецких танков, артиллерии и авиации. И когда 30 сентября немцы ринулись в наступление на орловском, а 2 октября на вяземском направлениях они сразу же пробрили оборону советских фронтов.

Но главная причина поражения заключалась в том, что Ставка и командование фронтов не сумели своевременно разгадать замысел немецких стратегов и возможные направления массированных атак. А в результате даже те наспех подготовленные для отражения противника районы оказались на 100—110 км в стороне от главных ударов немецких войск. На Западном фронте ожидали удара в стык 16-й и 19-й армий вдоль шоссе Смоленск-Вязьма, подвинув туда наиболее укомплектованные части, а немцы ударили севернее и южнее автомагистрали. На левом крыле Брянского под танковый вал попали войска, находившиеся вне укрытий, поскольку они готовились к частной операции. Генерал А. М. Сандалов, в то время начштаба фронта, впоследствии писал: «Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли тогда разгадать намерений противника?.. Ставка предупреждала 27 сентября о подготовке противника к наступлению танковой группы на Москву. Лучшего района, чем район Глухов — Новгород-Северский не найти. Путь оттуда на Орел, Тулу был кратчайшим... Однако командование и штаб фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр».

В начальные часы и дни Вяземско-Брянской операции обстановка менялась стремительно. Прорывы на фронтах к 3 октября достигали: на Западном — 50 км, на Резервном — 80 км, на Брянском — до 200 км. Был взят Орел. 4-5 октября в полосе Резервного взяты Спасск-Деменск и Юхнов. А в центре Западного, проорвавшись в стыке 19-й и 30-й армий, танки Гёппнера и Гота к 7 октября замкнули в кольцо у Вязьмы четыре советские армии — 19-ю, 20-ю, 24-ю и 32-ю. В советском Генштабе даже не поверили первым донесениям авиаразведки о движении вражеских колонн на Юхнов. А немцы действительно находились в 200 км от

столицы, где, кроме стройбатов, других войск не было. 22-я, 29-я и 31-я армии, яростно отбиваясь, отходили на северо-восток к рубежу Салтановка — Сычевка. Путь на Москву был открыт.

И здесь необходимо отметить, что в Советском Верховном Главнокомандовании, безусловно потрясенном неожиданным поворотом событий, никакой паники или растерянности не наблюдалось. Была известная нервозность, поспешность и несоответствие решений сложившейся обстановке. Но Сталин и Ставка методично и упорно стремились переломить ход событий в пользу советских войск.

Немецкое штурмовое орудие StuG III из 177 дивизиона завязло в грязи. Западный фронт, ноябрь 1941 года

Советские танки Т-60 из 28-й танковой бригады выдвигаются на передовую. Западный фронт, 16-я армия, ноябрь 1941 года.

Немецкие разведчики из 10-й танковой дивизии на мотоциклах NSU. Советско-германский фронт, ноябрь 1941 год.

После безуспешных контрударов, 6 октября Ставка приказала Коневу отвести войска на ржевско-вяземский рубеж. Но кольцо у Вязьмы уже замкнулось, и маневр оказался сопряженным с большими людскими потерями и потерей техники. Точные цифры их до сих пор не установлены. В немецких публикациях встречаются данные — 1 миллион, в том числе 688 тысяч пленными, 6 000 орудий, 830 танков. Но

это явно какие-то объединенные или «мифические» цифры фронтовых сводок, ибо под Вязьмой таких «количеств» просто не было.

Советское руководство предпринимало незамедлительные и решительные действия по восстановлению обороны и боеспособности фронтов, стремясь в тех условиях выиграть главное — время для создания резервов и ответного удара. Сталин отозвал из Ленинграда Г. К. Жукова, полководца, способного точно и правдиво оценивать обстановку, предвидеть и управлять ходом событий, не останавливаясь перед жесткими, если того требует сложившаяся ситуация, мерами. 7 октября ночью Сталин, больной гриппом, резко оценивая действия командующих, указывал Жукову на карту и говорил: «Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять решение, не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать». Тут же написал записку, оформленную потом как распоряжение Ставки № 002684 от 6 октября 1941 г. в 19 ч. 30 мин., предлагавшей фронтам ознакомить представителя Ставки тов. Жукова с обстановкой и в дальнейшем все его решения по использованию войск фронтов и управления ими считать обязательными.

Трагичность случившегося проявлялась в те дни во всем: в поспешности и противоречивости действий, в неорганизованности, неосведомленности и растерянности фронтовых командований. В штабе И. Конева, куда Жуков при-

Тяжелый бронеавтомобиль Sd.Kfz. 263 из 2-й танковой армии Гудериана в районе Тулы. Ноябрь 1941 года.

ехал ночью, ему не смогли вразумительно доложить, что же происходит с войсками, окруженными западнее и северо-западнее Вязьмы. Связи не было. Командующего Резервным фронтом С. М. Буденного Жуков отыскал только 9 октября в Малоярославце без связи с армиями и своим штабом. По дороге в Калугу Жукова догнал офицер связи сразу с двумя решениями о назначении: в телеграмме Сталина — командующим Резервным, а в постановлении комиссии ГКО — Западным фронтом. Какой приказ выполнять? Шапошников по телефону уточнил: создается единый фронт с задачей не допустить прорыва немцев через Можайск и Серпухов.

Не менее характерен следующий эпизод: 5 октября командующему 16-й армией К. Рокоссовскому поступил приказ Конева и Булганина: сдать войска генералу Ершакову, самому со штабом прибыть в Вязьму, получить 5 дивизий и ударить на Юхнов. Рокоссовский, прорвавшись уже через порядки немцев и подчиняя части и соединения «окруженцев», вышел к Вязьме. Не обнаружив там войск, он пробился к своим, к Гжатску и, прибыв в штаб фронта, был встречен грозным вопросом Ворошилова: «Как это вы со штабом, но без войск 16-й армии оказались в Вязьме?» Рокоссовский ответил, что Конев приказал принять новые дивизии под Вязьмой и показал злополучный приказ. Произошел бурный разговор Ворошилова с Коневым и Булганиным. Но этот же эпизод предстанет в другом свете по устному докладу Конева Жукову 7 октября: «Я приказал Рокоссовскому отвести 16-ю через Вязьму, сосредоточиться в лесах восточнее города, на части армии уже были отрезаны и остались в окружении. Сам Рокоссовский со штабом сумел проскочить в Вязьму и сейчас находится в лесу восточнее го-

рода...» Где истина — в приказе или в докладе? И далее, по обстановке на фронте Конев сообщал: «Связи с командующими 19-й Лукиным и 20-й Ершаковым у меня нет. Я не знаю, в каком они положении... Нет связи и с соседними фронтами. В армии правого крыла — 22-ю, 29-ю, 31-ю, которые меньше пострадали, послал приказ отходить на линию Волги, Ржев — Сычевка. Закрывать центральное направление на Москву фронт сил не имеет».

Цена ошибок военачальников — кровь, гибель и плен наших солдат. Но те из них, кто еще держал оружие в руках, поражали немцев яростью контратак, упорством и стойкостью в, казалось бы, безвыходных положениях. Немцам не удалось главное: сломить у защитников Москвы волю к сопротивлению.

Уже 8 октября в 2 час. 30 мин. Жуков доложил Сталину обстановку и свое решение:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только возможно на Можайскую линию обороны.

Директивой Ставки ВГК № 002844 10 октября 1941 года в 17 час. 00 мин. Жуков был назначен командующим единым Западным фронтом (заместитель И. Конев, начальник штаба генерал В. Соколовский, член Военсовета М. Булганин) и с присущей ему энергией приступил к восстановлению фронта на рубеже Калинин — Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга. Но что он получил после катастрофы? «Основное это то, — писал он Жданову 2 октября 1941 года, — что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы, принял от них одно воспоминание. От Буденного — штаб и 30

Немецкие войска продвигаются к Москве. На переднем плане танк Pz.Kpfw.IV Ausf. F1. Западный фронт, ноябрь 1941 года.

Немецкая 150-мм самоходная гаубица sIG 33 (sf) из 5-й танковой дивизии. Западный фронт, декабрь 1941 года.

человек, от Конева — штаб и два запасных полка». Фронт — сплошные бреши и разрывы, через них нацелились на Москву танковые колонны фон Бока.

Командование Западным фронтом напряженно искало способы боевых действий, которые обеспечивали успех. Вот некоторые решения из директив и приказов фронта: немцы врвутся по дорогам — закрыть их, пусть лезут в леса и болота. Поскольку сил для сплошной обороны нет, оседать все основные направления армиями: на Волоколамском — 16-я К. Рокоссовского, на Можайском — 5-я Д. Лелюшенко (после ранения — Л. Говоров), на Наро-Фоминском — 33-я М. Ефремова, на Малоярославском — 43-я К. Голубева, под Калугой — 45-я К. Захаркина. Сюда же большую часть артиллерии и противотанковых средств. Выбирать прежде всего танки — основную ударную силу немцев. Зарыться в землю, в окопы, траншеи, щели, дзоты. Опясаться «колючкой», минными полями, всеми возможными препятствиями. Оборона только активная, на атаку — контратака, на удар — контрудар, вынуждать фон Бока распылять группировки на отражение непрерывных контрударов. Наши армии занимают по фронту широкие полосы (100 км и более), «ниточки» их дивизий тонки, резервов в тылу мало. Значит необходимо сконцентрировать все виды артиллерии, вплоть до зенитной (37-мм) и «Катюш», в единые группы. Планировать быструю переброску артиллерий-

ских групп на угрожаемые участки; от наскоков немецких автоматчиков артиллерию прикрывать пехотными подразделениями, подчинив их командирам батарей. Для отражений танковых прорывов создать подвижные отряды саперов на машинах и повозках с минами, подвижными зарядами; минировать рвы и «проходные» участки. Поскольку плотность войск мала, то возможные прорывы ликвидировать быстрыми маневрами резервов. В ходе боев нашими командирами было найдено немало оперативно — тактических решений и способов, которые оказались неожиданными для немецких войск.

Ставка предпринимала срочные меры по защите столицы. В ночь на 5 октября ЦК ВКП(б) и ГКО определили главным рубежом обороны Можайскую линию, куда спешно перебрасывались с других фронтов, а также из Сибири и Казахстана 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад и более 40 артполков. Заново были сформированы 16-я, 5-я, 43-я и 45-я армии. Но соединения не были полностью укомплектованы, их общая численность не превышала 90 тыс. чел. Еще 5 дивизий сформировал из «окруженцев» А. Василевский с группой командиров. С Дальнего Востока мчались к Москве без остановок несколько стрелковых и танковых дивизий. Было принято решение о формировании резервных армий. 12 октября принято постановление о создании Московской зоны обороны (ответственный — командующий МВО генерал Артемьев). Формировались дивизии пополнения, направлено в зону боев около 50 тыс. бойцов и командиров. В считанные дни 600 тысяч жителей Москвы и области, из них три четверти женщины, построили сотни километров противотанковых рвов, 3 800 дотов и дзотов. По трудному вопросу обеспечения войск орудиями, техникой, боеприпасами пришлось принять суровое решение об ускорении ввода эвакуированных на Восток заводов.

В то же время, в кольце под Вязьмой у окруженных армий события развивались драматично. По приказу Ставки они были сведены под единое командование командарма-19 генерала К. Ф. Лукина и предприняли отчаянную попытку прорваться из окружения. Тем самым, «окруженцы» не позволяли немцам развивать дальнейшее наступление. Об этом свидетельствует радиограмма командира 7-й танковой дивизии генерала Фукса, который на вопрос, почему же его дивизия не идет на Москву, раздраженно ответил начальству, что командарм русской 19-ой тоже рвется к Москве, и что немецкая дивизия едва удерживает прорыв. Объединенная группа Лукина предприняла несколько попыток прорыва, однако, рассредоточенная на большой территории, она трудно управлялась, действовала порой без связи и взаимодействия между отдельными частями, испытывая крайний недостаток боеприпасов, горючего и

продовольствия. Первая попытка прорыва окончилась неудачей. Армии попали под сильную бомбардировку авиации противника. Помощь Ставки и фронта налетами нашей авиации на немецкие порядки и доставкой «окруженцам» боеприпасов по воздуху из-за недостатка средств и сил была слишком ограниченной. Дважды — 10 и 12 октября — на радиogramму Жукова с указанием участка прорыва и встречного удара Лукин не смог ответить — связь была прервана. Последующие попытки проводились компактными параллельными колоннами и закончились прорывами отдельных соединений, частей и групп. Командарм М. Ф. Лукин, четырежды раненный, в бессознательном состоянии захвачен в плен. Общее число прорвавшихся из окружения войск до сих пор неизвестно. Встречающиеся в литературе цифры весьма приблизительны: 85 тысяч, прорвавшихся организованно и 65 тысяч — мелкими группами и в одиночку. Но косвенные свидетельства дают основания говорить и о больших цифрах.

Главные причины неудачи очевидны: недостаточная помощь Ставки и командования фронта, не имевших в «отчаянном положении» достаточных средств, и запаздывание с организацией прорыва самих «окруженцев», в результате чего немцы успели укрепить позиции кольца. Даже первая попытка прорыва подверглась сильнейшей бомбардировке немецкой авиации, вылилась в разрозненные удары армий и натолкнулась на прочный танковый заслон из шести танковых дивизий с приданными им пехотными частями. Но гибель окруженных частей, их кровь и жертвы, как отмечал Жуков и другие участники тех трагических событий, не были напрасными. Германское командование вынуждено было вести бои на фронте глубиной 100—150 км с запада на восток, потерять в боях тысячи солдат и немалое количество техники. Это снизило ударную силу немецких соединений, предназначенных для захвата Москвы.

Только в середине октября фон Бок, освобождаясь наконец от «котла», смог подтянуть дивизии к передовой, и с новой силой ринуться на Москву. Ожесточенные бои развернулись на всех направлениях, и для наших войск это были тяжелейшие дни. Сплошного фронта еще не было и хорошо обученные и оснащенные немецкие войска, обходя очаги обороны, атакуя с флангов или с тыла, напористо продвигались вперед, разрывая броневыми клиньями то один, то другой участок фронта. Против них героически сражались немногочисленные, наскоро сформированные и еще недостаточно организованные, соединения. В обстановке, меняющейся ежедневно, даже ежечасно, исход боя, операции, в конечном счете судьба Москвы, зависели от крепости и упорства каждого полка, каждого батальона, а иногда, даже роты или взвода.

Но надо признать, что не все сражались мужественно. В некоторых соединениях, переформированных после катастрофы, была распространена «танкобоязнь» и «самолетобоязнь», они находились в состоянии психологического надлома и не обладали стойкими моралью — боевыми качествами. При первых же атаках немецких танков и самолетов они могли покинуть свои позиции без приказа (попросту бежать). Так, без боя, по слабодушию командиров были сданы Тарутино, Руза и другие пункты. В те «отчаянные дни», в критической обстановке трусость и паника, особенно со стороны командиров, представляла особую опасность, и, как определялось в приказах, была равносильна предательству. Поэтому командованию фронта пришлось прибегнуть и к крайним мерам, не просто жестким, а жестоким. Суду была предана целая группа командиров и политработников, некоторые из них — расстреляны перед строем.

Наряду с чрезвычайными мерами командование настойчиво учило войска организованно отступать, памятуя, что отход — самый сложный вид боевых действий, требующий хорошей выучки войск и твердого управления.

Советский фронт, растянувшийся в тонкую линию, с трудом удерживал напор противника. 14 октября немцы ворвались в Калинин (Тверь). Стабилизировать оборону на Можайском рубеже также не удавалось. Чтобы не допустить прорыва врага к Москве, военный совет принял тяжелое решение: организованно отвести фронт на новый рубеж, ближе к столице. Перед трудным заседанием военного совета Булганин обращаясь к Жукову, с тревогой выдохнул:

— Не сносить нам головы, Георгий Константинович...

В ответ Жуков коротко отрубил:

— Нам не сносить головы, когда немец проворется к Москве. Наши войска дерутся с не-

Бронеавтомобиль Sd.Kfz. 221. Немец забрался на него для лучшего обзора. Западный фронт, декабрь 1941 года.

бычайным упорством, но положение критическое. На рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец мы уже не удержимся. В этом надо убедить Ставку и генштаб.

И убедили. Фронт был отведен на рубеж Клин — Истра — Серпухов — Алексин. Одновременно, по просьбе военсовета, Ставка образовала Калининский фронт (командующий И. Конев), передав ему три армии Западного. Управление непосредственно на московском направлении облегчилось.

Напряженность общей обстановки в октябре не ослабевала. 16 октября ГКО принимает решение об эвакуации из Москвы госучреждений и правительства в Куйбышев (Самару). Продолжалась также эвакуация промышленных предприятий. Вспыхнувшие было в Москве паника, грабежи и беспорядки, заторы и пробки на дорогах, затруднявшие снабжение фронта, были решительно пресечены в течение нескольких часов. Постановлением ГКО в Москве с 20 октября 1941 года вводилось осадное положение. Ее оборона в 100 — 200 км западнее возлагалась на Жукова, а на ближних подступах на начальника гарнизона генерала Артемьева.

Германское верховное командование считало, что русские уже разбиты и резервов у них нет, поэтому приказало группе «Центр» без всякой паузы продолжать наступление на Москву и окружить ее.

Фон Бок в середине октября, убедившись, что через активную оборону русских с их непрерывными контратаками и контрударами, в центре не прорваться, сосредоточил усилия на флангах. Развернул 3-ю танковую группу и 9-ю

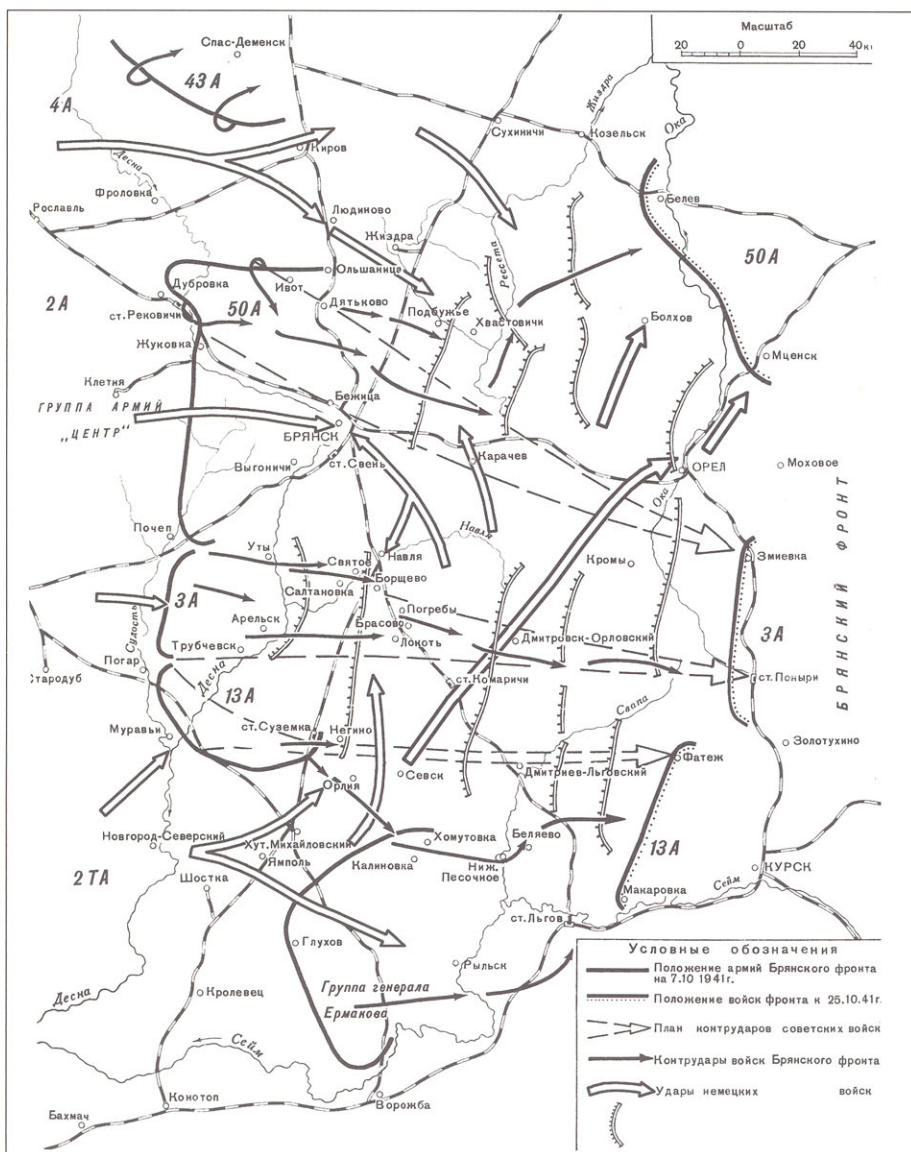
полевую армию на север и северо-восток для удара на Калинин, Торжок, Вышний Волочек. 2-ю танковую группу и 2-ю полевую армию направил на Тулу для обхода Москвы. На московском направлении натиск двух «четверок» (4-й танковой группы и 4-й полевой армии) снизился. Фон Бок широко раздвинул ударные фланговые «кулаки», но уменьшил свое превосходство по фронту в центре. Жуков мгновенно уловил всю выгоду этих изменений для обороны.

В течение всего октября немецкие войска упорно продвигались к Москве. 15 октября им удалось захватить Боровск, 18-го Малоярославец и Можайск, 22-го Наро-Фоминск, 27-го Волоколамск. Но Г. Жуков и его командармы немедленно организовали в этих районах, а также под Скирманово и Дорохово, сильные контрудары. Это вынуждало фон Бока лихорадочно перебрасывать для их отражения по 2-3 дивизии из фланговых группировок. «Немцы заплатили чрезмерную цену за успех», — говорилось в донесении одного немецкого командира корпуса в штаб группы «Центр». Фон Боку не удалось создать ни глубоких оперативных прорывов, ни «котлов», для этого у него в решающий момент просто не хватило сил.

К концу октября исход боев оказался неожиданным для гитлеровского руководства: две «четверки» в центре и обе обходные группировки были истощены и остановлены. «Тайфун» захлебнулся. Фон Бок вынужден был дать передышку войскам, чтобы восполнить потери и произвести перегруппировку. На линии боев наступило затишье, а для высших командований обеих сторон срок принятия новых решений.

Брошенные советскими войсками легкие танки Т-40. 121-я танковая бригада, оперативная группа генерала Ермакова. Брянский фронт, октябрь 1941 года.

Карта прорыва Брянского фронта из окружения. Октябрь 1941 года.

Итоги отражения октябрьского напора «Тайфуна» впечатляющи. Немецким полководцам при значительном превосходстве своих войск на московском направлении не удалось достичь главных целей. Москва не была окружена и взята ни к 15, ни к 30 октября. Советским полководцам с малыми силами удалось измотать, истощить и остановить ударные группировки и, главное, выиграть время, фактор которого приобретал все более решающую роль. Наступала зима,

к ней немцы не были подготовлены, а русские успешно готовили и подводили новые резервы.

Тем временем, на левом брянском крыле бои развевались не менее драматично. Обходная группировка Гудериана, начав наступление 30 сентября, прорвала оборону 13-й армии, заходя в тыл фронта с юга, и одновременно 2-я немецкая армия через брешь в полосе 43-й армии Резервного фронта устремилась навстречу ей с севера, перехватив железную дорогу Москва — Брянск.

Увидев назревающий «котел», командующий Брянским фронтом А. Еременко поздно вечером 5 октября доложил обстановку в Генштаб Б. Шапошникову. Учтя, что войска фронта еще сохраняли боеспособность, Еременко предложил необычный и смелый маневр. Выставить на западной («лобовой») линии заслоны, а основные силы Брянского фронта повернуть на 180°, ударить по еще слабой цепочке окружения и выйти на новые оборонительные рубежи. Но Ставка медлила, надеялась удержать основные позиции, и дала разрешение только утром 7 октября.

К этому времени положение осложнилось. Враг, еще 3 октября ворвавшийся в Орел, к 6 октября уже захватил Брянск и Карачев и овладел всем брянско-орловским районом, который немецкое командование определило как трамплин для обхода Москвы с юга.

Следует заметить, что быстрый захват Орла произошел вследствие неорганизованности и беспечности местного руководства. Оборона города, находящегося в 200 км от передовой, возлагалась Ставкой на военный совет округа (командующий генерал Тюрин А. А.). Еременко еще 30 сентября, сразу же после прорыва фронта, предупредил округ об угрозе и получил заверения в подготовке обороны. Но 3 октября город сходу был взят. И это притом, что в городе и округе находились четыре противотанковых полка, гаубичный полк, несколько пехотных частей и 10 тыс. бутылок КС. С такими силами, да еще мобилизовав население, можно было отразить массированный удар танков.

Совершенно иначе, например, сложилась обстановка под Тулой, куда Гудериан вышел 30 октября, но ворваться в город не смог. Его остановила 50-я армия и организованный руководством Тулы и области отпор во главе с секретарем

обкома В. Г. Жаворонковым, поднявшим на защиту коммунистов, комсомольцев и всех, способных носить оружие. Тысячи туляков уже под огнем рыли окопы и рвы, строили дзоты и баррикады. Первый удар отразил рабочий полк (капитан А. Горшков, военком Агеев), полк НКВД (майор С. Зубков) и 739-й зенитный полк (подполковник М. Бондаренко). Именно под Тулой и в боях под Мценском и Каширой уязв и угас рывок южной обходной группировки немцев.

7 октября Еременко начал поворот всем фронтом на 180°. Но маневр начался уже в условиях окружения, и противник успел перехватить все главные коммуникации. Армиям указывались пять рубежей, сроки выхода и направления ударов: 50-я — на Бежицу — Карачев — Змиевку; 3-я на Трубчевск — ст. Поньри; 13-я на Погар — Фатеж. Группам генералов Ермакова и Рейтера — прикрывать фланг фронта.

Ни Гудериан, ни высшее немецкое командование, окрыленные новыми «прорывами» и «успехами», не ожидали, что окруженный фронт вдруг «весь разом» ударит на восток. И когда 13-я ударом двух дивизий и танковой бригады прорвала «цепочку» окружения, то эту «прореху» Гудериану пришлось закрывать целым танковым корпусом (47-м) и другими частями. Его утверждение, что по дороге на Севск проскочили лишь штаб и небольшие группы русских, не верно. На самом деле, вышла вся 13-я армия. И к 22 октября, при непрерывной поддержке фронтовой авиации, она достигла намеченного рубежа Фатеж — Макаров в составе семи дивизий, и танковой бригады, сохранив штатную организацию (правда, численность дивизий после потерь составляла по 1000 — 2000 штыков). При этом, урон немцев составил: 3000 солдат и офицеров, 100 орудий и минометов, 30 танков, 15 самолетов.

Легкий немецкий танк Pz.Kpfw.I Ausf.B, завязший в грязи. Советско-германский фронт, ноябрь 1941 года.

3-я армия (командующий Я. Крейзер) прорывалась по сплошным болотам на участке Десна — Трубчевск — р. Свапа. В ночь на 8 октября, совершив марш в 60 км (исключительный случай для пехоты), армия встретила подготовленные немцами позиции и после двух неудачных попыток, на рассвете 22 октября вырвалась из окружения. Гудериан в своих воспоминаниях пишет, что для усиления цепи окружения ему пришлось направить танковую и мотодивизию, но, несмотря на помощь, группе русских

удалось прорваться и достичь Дмитровска (Орловского). 3-я армия вышла на рубеж ст. Поньри в составе шести дивизий, понесших потери, но все же насчитывавших в каждой более 2000 штыков.

50-я армия начала поворот в ночь на 8 октября и вышла в наилучшем состоянии, нанеся наибольший урон противнику. Но в этой операции погибли командарм М. Петров и член военсовета Н. Шяпин. Армия, натолкнувшись на сильный танковый и артиллерийский заслон на

Колонна танков Pz.Kpfw.IV Ausf.E. Советско-германский фронт, группа армий «Центр», ноябрь 1941 года.

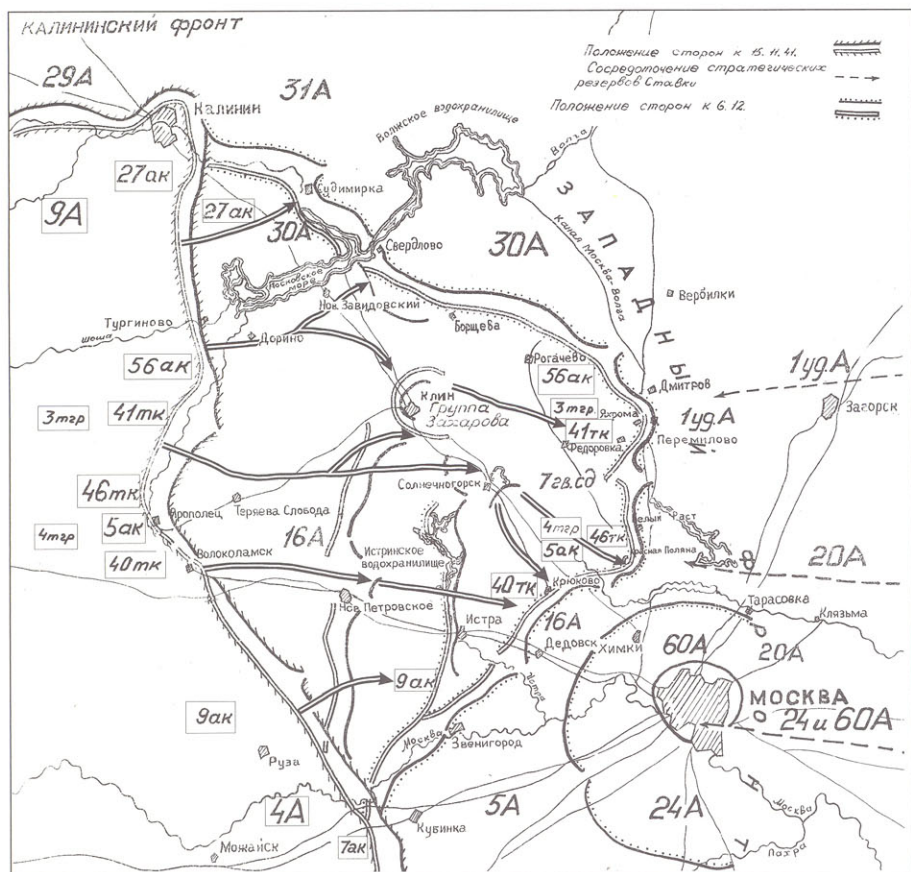
Немецкий танк Pz.Kpfw.III Ausf.J из 2-й танковой дивизии. Группа армий «Центр», ноябрь 1941 года.

юго-востоке, ударом на северо-восток смяла врага и 23 октября вышла севернее указанного рубежа на линию р. Ока в районе Белева в составе семи дивизий, танковой бригады, нескольких отдельных стрелковых и арtpолков. Дивизии насчитывали по 3 000 чел., сохранили артбатареи (некоторые даже арtpолки), батальоны связи и другие части. И уже 7 ноября 50-я наносила контрудар под Тулой, затем под Белевом и Мценском, во взаимодействии с 3-й армией. В то время как немецкие генералы считали, что обе эти армии ими уничтожены.

Фронт заканчивал маневр уже без своего командующего. 13 октября, когда войска фронта прорвали последний «заградительный» рубеж, А. Еременко был тяжело ранен в плечо и в ногу и сильно контужен взрывом авиабомбы. Но маневр с поворотом на 180° и ударом всем фронтом на восток в той критической обстановке дал существенные результаты. Здесь, на южном крыле, в октябрьских боях был перехвачен и заторможен замах бронированного

«кулака» на Москву. Южная группировка немцев захватила «трамплин» Брянск — Орел, но не смогла достичь главной цели — прорыва к Москве. Скованная боями, она понесла невосполнимые потери и вскоре завязла под Тулой.

Высокую оценку действиям Брянского фронта дал Сталин, позвонивший командующему, находившемуся на излечении в кремлевской больнице, в ночь с 26 на 27 октября. Он сказал: «Поздравляю вас, товарищ Еременко, с большими успехами. Войска вашего фронта, находясь в окружении, проявили высокую организованность, доблесть и мужество, и особенно похвально то, что, несмотря на абсолютное превосходство врага, в тягчайших условиях, они проявили инициативу и дрались с невиданной стойкостью. Армии не только вышли организованно на новые рубежи, но нанесли противнику чувствительный урон. Поздравляю вас с этим успехом, — повторил он снова — Беспokoю вас в этот час, зная, что вы ждете известию о своих солдатах».

Наступление немецких войск на правом крыле Западного фронта в ноябре 1941 года.

Ноябрьский штурм. «Тайфун» выдыхается

Верховное немецкое главнокомандование после того как октябрьский натиск не достиг главных целей спешило с подготовкой войск к новому штурму столицы, стремилось «упредить русских в закреплении обороны на подступах и в переброске резервов из внутренних округов». Гитлер торопил своих генералов, категорически требовал от них «в ближайшее время, любой ценой покончить с Москвой». По его указанию, 13 ноября 1941 года в г. Орша начальник генерального штаба Ф. Гальдер провел совещание начальников штабов объединений Восточного фронта. Это совещание должно было, по мысли Гитлера, подтолкнуть генералов к быстрейшему выполнению плана «Барбаросса». Но, в отличие от совещания 4 августа в Борисове, наступательный пыл генералов повыветрился и сник, многие из них высказали серьезные опасения по поводу происходящего на фронте, имея в виду, прежде всего, октябрьские бои под Москвой. Гальдер, более других осведомленный о потерях, состоянии и боеспособности вермахта, не мог не понимать, что новый штурм может закончиться еще одной неудачей. Но на него давила директива Гитлера: до наступления зимы, во что бы то ни стало расправиться с СССР. Поэтому, как исполнительный военачальник, он подтвердил известные цели фюрера и продиктовал генералам «максимальную» и «минимальную» линию продвижения в 1941 году. Первая — вплоть до Майкопа, Сталинграда, Горького, Во-

логды; вторая — до устья Дона, Тамбова, Рыбинска. В любом случае Москву надлежало штурмовать. Идея блицкрига продолжала доветь.

К 15 ноября фон Бок сосредоточил в группе «Центр» пятьдесят одну дивизию, в том числе тридцать одну пехотную, тринадцать танковых и семь моторизованных, штатно укомплектованных личным составом, танками, артиллерией и боевой техникой (Архив МО СССР ф. 208, оп. 2511, л. 1022, л. 332).

Замысел фон Бока остался прежним по своей сути: ударами двух мощных танковых группировок окружить Москву, а затем ударить группировкой из центра и ворваться в нее. Группировки наносили удары с севера и с юга.

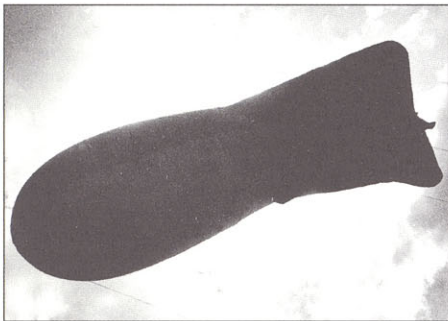
В северной группировке на волоколамско-клинском и истринском направлении фон Бок сосредоточил 3-ю и 4-ю танковые группы в составе семи танковых, трех механизированных и трех пехотных дивизий при поддержке 2 000 орудий и авиации.

В южную группировку на тульско-каширском направлении он включил две механизированных, два армейских корпуса (всего 9 дивизий, в том числе 4 танковых) и механизированный полк СС «Великая Германия». Ее поддерживала мощная авиагруппа.

В центре на звенигородском, кубинском, на-ро-фоминском, подольском и серпуховском направлениях фон Бок развернул 4-ю армию в составе шести армейских корпусов. Именно этой армии приказывалось фронтальными ударами сковать русские дивизии, опрокинуть их и ворваться в Москву.

Командир 1-й гвардейской танковой бригады М.Е. Катуков у бронека BA-10. Западный фронт, декабрь 1941 года

Аэростат заграждения в небе Москвы.

Внешние фланги ударных группировок прикрывались: с севера и северо-запада — 9-й армией (15 пехотных дивизий), с юга — 2-й армией (6 пехотных, танковая и моторизованная дивизия).

Замысел немецкого верховного главнокомандования и на этот раз представляется безупречным. Ведь русские армии обескровлены, деморализованы, плохо вооружены, они не смогут остановить бронированный таран такой силы. Но с противоположной стороны обстановка представлялась иначе.

Советское Верховное командование имело вполне ясное представление о намерениях противника и о возможностях, которыми он располагал. Ставка ВГК, правильно оценивая обстановку, срочно укрепила Западный фронт. С 1 по 15 ноября Ставка передала фронту несколько свежих стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий и бригад, усилила более половины армий противотанковой артиллерией и реактивными минометами («Катюши»). Всего в первой половине ноября фронт получил 100 000 че-

ловек, 300 танков и 2 000 орудий. А 10 ноября ему была передана 50-я армия Брянского (11 ноября 1941 года фронт расформирован, его армии переданы Юго-Западному) и 30-я Калининского фронтов. Оборона Тулы теперь возлагалась на Западный фронт.

Ставка и командование фронтов, используя затишье, активно укрепляли оборонительные рубежи, пополняли войска людьми и боевой техникой. Зная немецкие планы о выходе на Волгу, Ставка по указанию ГКО, принятому еще 5 октября, заканчивала формирование стратегического эшелона Красной армии на рубеже Вытегра — Рыбинск — Горький — Саратов — Сталинград — Астрахань. Там развертывались десять резервных армий, из них некоторые были придвинуты к Москве в предвидении нового немецкого штурма и ответного контрнаступления. Одновременно командования Южного и Ленинградского фронтов приказывалось подготовить наступательные операции в районах Ростова и Тихвина, разгромить ростовскую и тихвинскую группировки врага и отвлечь его резервы с московского направления.

Замысел и боевой порядок ударных немецких группировок к тому времени были раскрыты нашей разведкой и хорошо известны Жукову и командармам. Но к началу штурма 15-16 ноября войска, которые Жуков мог противопоставить фон Боку, уступали немцам не только численно, но и по качеству вооружения и по оснащению боевой техникой. Хотя Западный фронт к этому времени имел больше дивизий, чем противник, но по количеству огневых средств и личного состава они значительно уступали немецким.

Превосходство в целом было на стороне немцев: в людях — в 2 раза, в танках — в 1,5, в орудиях и минометах — в 2,5 раза. А на главных

Танки сводного полка Военной Академии моторизации и механизации РККА уходят на фронт. На переднем плане — Т-35. Москва, район Лефортово, декабрь 1941 года.

направлениях немцы вообще имели подавляющее превосходство. Так, на клинском направлении против 56 танков и 210 орудий и минометов 30-й армии они выдвигали 300 танков и 910 орудий и минометов. На истринском против 150 танков и 767 орудий и минометов 16-й армии сосредоточили 400 танков и 1030 орудий и минометов. На каширском направлении враг сконцентрировал 400 танков и 810 орудий и минометов против 45 танков и 315 орудий и минометов 50-й армии. Преимущество у защитников столицы имелось только в авиации.

При явном превосходстве на главных участках прорывов «генеральное сражение», как определили ноябрьский штурм сами немецкие генералы, было обречено на успех. При таком соотношении сил советским полководцам предстояло вырвать из рук врага победу, полагаясь только на мужество, стойкость, инициативу русского солдата и искусство его командиров.

Нельзя не сказать о замечательном событии тех дней, ныне уже легендарном — о параде советских войск на Красной площади в осажденной Москве и речи на нем Верховного главнокомандующего И. В. Сталина.

1 ноября Жуков прибыл по вызову Сталина. Войдя в его кабинет и поздоровавшись, остановился в ожидании у стола с картами. Сталин неторопливо прошелся по кабинету, раскурил трубку и ровным голосом спросил:

— Мы задумали провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщи-

Звукоуловители ПВО предназначались для раннего обнаружения самолетов противника по звуку моторов.

ны Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Жуков, в первые секунды несколько удивленный странностью идеи (какой парад!? Враг в 80 километрах от Москвы), в следующее мгновение смог в полной мере оценить огромную значимость задуманного. И по-военному кратко и твердо ответил:

— В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес большие потери в предыдущих боях и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая будет наверняка действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Кавалерия Красной армии и мотоциклисты на М-72 движутся через столицу. Москва, ноябрь 1941 года.

Маскировка танка КВ из 1-й гвардейской танковой бригады Красной армии. Западный фронт, район обороны 16-й армии, декабрь 1941 года.

— Мы так и сделаем, — удовлетворенно сказал Сталин.

Так было принято решение о параде.

Утро 7 ноября было морозным и ветреным, накануне выпал снег. Без обычных в этот день украшений Красная площадь выглядела пусто и величаво. С суровыми лицами, с боевым оружием в руках замерли в строгих колоннах бойцы и командиры Красной армии. Обращаясь с трибуны Мавзолея к воинам, которые с парада уходили в бой, Сталин говорил им: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы... как на своих освободителей». Он говорил о величии истории Родины, о ее великих героях. Он назвал вдохновляющие в этот грозный для России час имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, Александра Суворова и Михаила Кутузова. И закончил речь призывом: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Этот «непраздничный» парад оказал огромное морально-политическое воздействие на советский народ. Он возвращал веру усомнившимся и поднимал дух сопротивления на фронте и в тылу. Парад имел также большое международное значение. Он наглядно опровергал пессимистические прогнозы о скором падении Москвы, демонстрируя перед всем миром силу и стойкость советского народа, и его нестигаемую волю к победе над врагом.

В ноябре Ставка в соответствии со стратегическим планом сосредоточила шесть армий в районе Москва — Загорск — Рязань — Рязск (1-ю ударную, 20-ю, 24-ю и 60-ю) за стыком Западного и Юго-Западного фронтов. Западный мог получить до 450 000 человек свежих войск. Но для развертывания армий в середине ноября требовалось 15-20 суток, поэтому фронтам поставили задачу упорной и активной обороной не допустить прорыва врага к Москве: Западному — удерживать противника на рубеже р. Лама — Дубосеково — Скирманово — р. Нара — р. Ока — Тула — Богородицк и контрударами на волоколамском и серпуховском направлениях срывать его перегруппировки. Калининскому — удерживать свои позиции и контратаками препятствовать переброске войск противника против Западного. Юго-Западному — прикрыть ефремовское и елецкое направления, не позволить перерезать сообщение Москвы с южными районами, организовать контрудар в районе г. Ливны.

А у Жукова в первой половине ноября все дни и часы были заполнены подготовкой фронта, особенно на флангах, к обороне и прежде всего противотанковой. Ее организация существенно осложнилась, потому что на помощь немцам пришел «генерал Мороз», тот самый, который до сих пор иногда выставляется главным виновником поражения немцев под Москвой. Напротив, немцам мешала осенняя распутица, а затвердевшие от первых заморозков поля и дороги Подмосковья стали проходимыми для всех видов тяжелой немецкой техники — танков, штурмовых орудий, тягачей и т. п.

Советское командование укрепляло оборонительные рубежи. Замерзшие поля закрывали минами, бутылками КС, препятствиями всех видов, шоссейные дороги разрушали на глубину 100 км, чтобы лишить немецкие танки маневра. В полосах армий создавались опорные пункты и по 5-9 сильных противотанковых районов, с использованием всех видов артиллерии, с плотным насыщением истребительными подразделениями с ружьями и гранатами ПТО. Резервы создавались до полка включительно. Взаимодействие с авиацией, танками, артиллерией обеспечивали представители этих войск на КП каждой части.

Фон Бок атаковал, как и ожидалось, на флангах. 15 ноября — на волоколамско-клинском, а спустя два дня — на каширском направлении. Отражение первых атак непредвиденно затруднилось для Жукова внезапным решением Ставки, которая решила упредить события. Накануне Сталин позвонил и сказал:

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести из района Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии.

Жуков — суровый реалист, действовавший всегда наступательно, но отнюдь не опрометчиво, категорически возразил:

Немецкий корректировщик артиллерийского огня спрятался за подбитым танком БТ. Группа армий «Центр», декабрь 1941 года.

Танк огневой поддержки Pz.Kpfw. IV Ausf. F1 на подступах к Москве. Западный фронт, декабрь 1941 года.

БА-20М из разведподразделения 112-й танковой дивизии РККА. Западный фронт, декабрь 1941 года.

— Этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

Но тут «коса нашла на камень». Сталин не захотел выслушать возражения и положил трубку.

Преждевременные контрудары, в основном конными корпусами Белова и Доватора, естественно, оказались безуспешными и привели лишь к напрасной гибели людей и растрате с трудом накопленных резервов.

Фон Бок обрушил на правый фланг фронта (на 30-ю армию Д. Лелюшенко и 16-ю К. Рокос-

совского) удар огромной силы. 30-я под напором 300 немецких танков отходила с тяжелыми боями южнее Волжского водохранилища, а 16-я, уступая натиску 400 танков, но непрерывно контратакуя, медленно отступала на тыловые позиции. Именно в полосе 16-й армии и произошел бой панфиловцев. Его наблюдал Рокоссовский с НП 316-й дивизии генерала Панфилова. Немцы, в конечном счете, дополнили до Крюкова и Красной Поляны, подойдя здесь к Москве ближе всего.

В дни основного натиска немецких группировок сказались последствия ошибочного решения Ставки. Жуков, имея ограниченные резервы, не мог эффективно парировать удары, не хватало войск.

Подбитый советский танк Т-34/76 в зимней маскировочной окраске. Западный фронт, декабрь 1941 года.

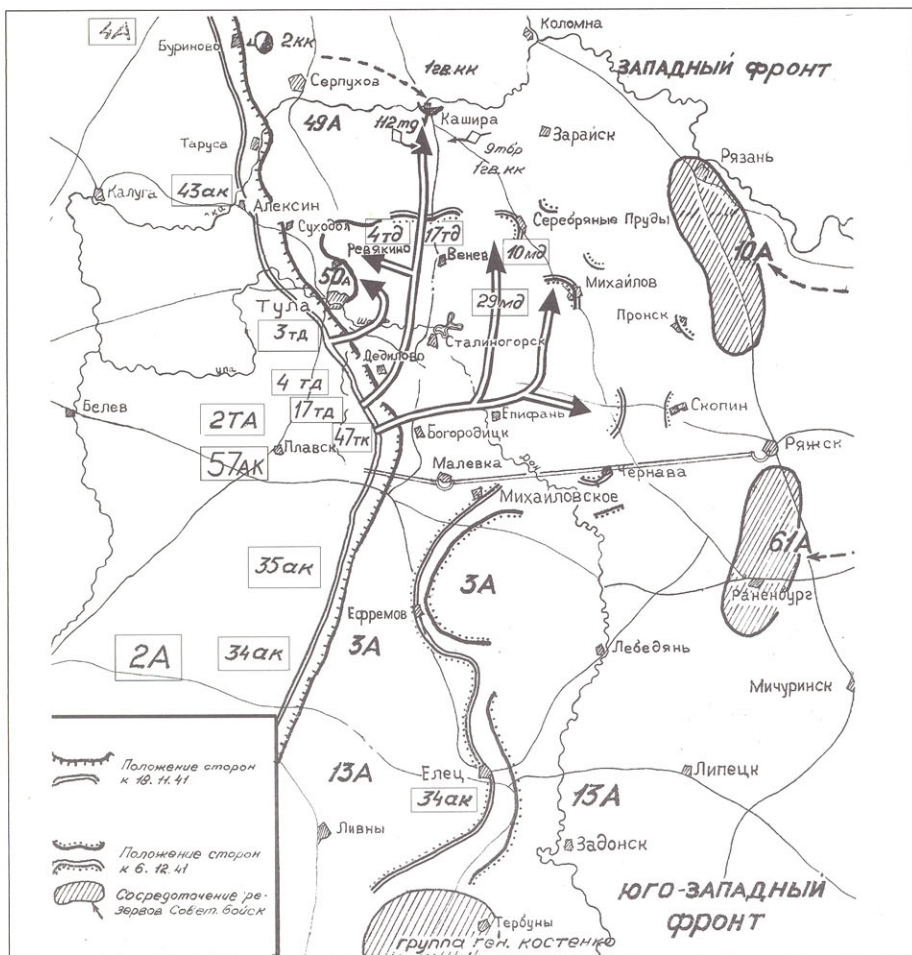
Между 30-й и 16-й армиями образовался разрыв. 16-я армия, чтобы избежать окружения 23 ноября оставила Клин. Жуков для закрытия разрыва создал оперативную группу Ф. Захарова с задачей не допустить врага к Дмитрову и Яхроме.

О предельном ожесточении боев в ноябре, героизме бойцов и командиров ярко написал К. Рокоссовский: «Вспоминая те дни, я в мыслях своих представляю себе образ нашей 16-й армии. Обессиленная и кровоточащая от множества ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и она это делала... Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении сил... Командующий Западным фронтом делал все возможное, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие вой-

ска, но при этом не втягивать в бой по частям прибывавшие стратегические резервы. Они решением Ставки подтягивались к Москве, к районам наибольшей опасности. Их нужно было сохранить до решающего момента. Для этого требовался строгий расчет и огромная выдержка».

Полководцу в критической ситуации необходимо найти то решение, которое приведет противника к неизбежному поражению. Для этого очень важно не дрогнуть, не заметаться, не потерять выдержку и способность к трезвой оценке ситуации.

Приняв решение отразить удары врага только наличными силами фронта и, тем самым, сохранить резервы для контрнаступления, Жуков, генералы и офицеры его штаба проявили себя с лучшей стороны. Это было смелое и рискованное решение. Но оно оправдало себя.

Боевые действия в районе Тулы в ноябре 1941 года.

Подбитый немецкий танк Pz.Kpfw.III со знаком 2-й танковой группы Гудериана.

На что рассчитывал Жуков?

Прежде всего, на стойкость войск, вдохновленных святой идеей защиты Родины. То, что сказано Рокоссовским о 16-й армии, полностью приложимо ко многим соединениям, сражавшимся под Москвой. Такие дивизии как, например, 316-я И. Панфилова или 78-я А. Белобородова, дрались с превосходящим противником героически. Попадая в «мешки», они упорно продолжали сражаться, и, вырвавшись из окружения, вновь держали оборону. В те дни для многих бойцов и командиров призыв «Стоять насмерть!» не был просто лозунговой метафорой. Они гибли под огнем, бросались с гранатами под гусеницы танков, но держались на рубежах.

Другое основание принятого решения вытекало из тщательного анализа действий противника. Немецкие генералы, как будто замороженные идеей окружения Москвы, прорывами танковых и моторизованных дивизий, расположенных на дальних краях 800-километрового фронта от Калинина до Тулы, упорно гнали свои фланговые группировки вперед, во что бы то ни стало. А те, натактиваясь на эшелонированную и контратакующую оборону русских, все более истекали кровью и теряли пробивную способность. В то же время в центре фронта немцы не смогли организовать наступление. И это, как пишет Жуков, «дало нам возможность свободно перебрасывать все резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к фланговому и направлять их против ударных группировок врага».

Так, южная группировка Гудериана (2-я танковая и 2-я полевая армии) не в силах пробить оборонный щит Тулы ринулась в обход ее с юго-востока на Коломну и Каширу, ворвалась в Сталиногорск (ныне Новомосковск), угрожая прорывом в сторону Венева и Каширы. Но советское командование успело перебросить туда несколько стрелковых и танковых частей. Неожиданно для себя немцы сначала натолкнулись на их упорное сопротивление. А затем были отгеснены в район Мордвеча контрударом кавалерийского корпуса Белова и танковой дивизии Гетмана. Когда же Гудериан предпринял упорную попытку обойти «проклятую Тулу» с

Зенитчики на подступах к Туле готовятся к отражению атаки немецких танков.

Красноармейцы рассматривают трофейное оружие. Район Тулы, декабрь 1941 года.

северо-востока и даже перерезал железные и шоссейные дороги Серпухов — Москва, он опять-таки внезапным контрударом 50-й (которую он месяц назад якобы разгромил и пленил) был отброшен на рубеж Тула — Узловая — р. Дон. К началу декабря приверженец стремительных танковых прорывов был вынужден перейти к обороне.

Именно здесь, «панцерные» клинья Гудериана столкнулись с противодействием со стороны советских танков Т-34. Об этих боях он позже написал: «Наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предостережением, указывающим на то, что наша пехота истощила свою боеспособность и на крупные усилия более не способна». А Гальдер зафиксировал в начале декабря в своем дневнике: «Обстановка в полосе 2-й армии критическая, а ее командование потерпело фиаско». Через пару недель крах потерпит и полководческая карьера Гудериана.

В конце ноября обстановка на фронте под Москвой продолжала накаляться. 23 ноября 3-я и 4-я танковые группы немцев ворвались в Клин и Солнечногорск и, нанеся отсюда удар на Яхрому и Красную Поляну, оказались всего лишь в 20 км от Москвы. 28 ноября, переправившись по льду канала Москва-Волга, немцы захватили мост и небольшой плацдарм. Они подошли на прямой выстрел из дальнобойных орудий по Москве (и доставили их).

Жуков, предельно рискуя, буквально оголял пассивные участки фронта, перебрасывая на прорывы стрелковые, танковые части и артиллерию, даже отдельные группы с гранатами ПТО и отделения противотанковых ружей. Ударом выдвинутой по распоряжению Ставки 1-й ударной армии совместно с 16-й и 20-й армиями Западного фронта немцы были отброшены от канала. В Красной Поляне войска 16-й

Немецкая пушка, брошенная при отступлении под Тулой. Декабрь 1941 года.

Рокоссовского захватили 2 сверхтяжелых орудия так и не успевших ни разу выстрелить по Москве.

Сражение приблизилось к точке перелома. Казалось, вот-вот и до предела натянутая струна лопнет, фронт не выдержит, и немцы ворвутся в Москву. Встревоженный Сталин в одну из ночей позвонил Жукову:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю это вас с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

Жуков, глядя на лежавшую, на столе карту твердо ответил:

— Москву, безусловно, удержим. Но нам нужно не менее двух армий и хотя бы двести танков.

Сталин удовлетворенно проговорил:

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы к концу ноября, но танков пока дать не можем.

К началу декабря волевое и настойчивое осуществление оперативно-тактического контрманевра Жуковым и командармами начало давать свои результаты. Фон Бок и его генералы заматались. Немецкие войска оказались на пределе своих возможностей. Еще 22 ноября Гальдер констатировал: «Войска совершенно измотаны и не способны к наступлению. Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой сражения на Марне 1918 года, указывая, что создалось такое положение, когда

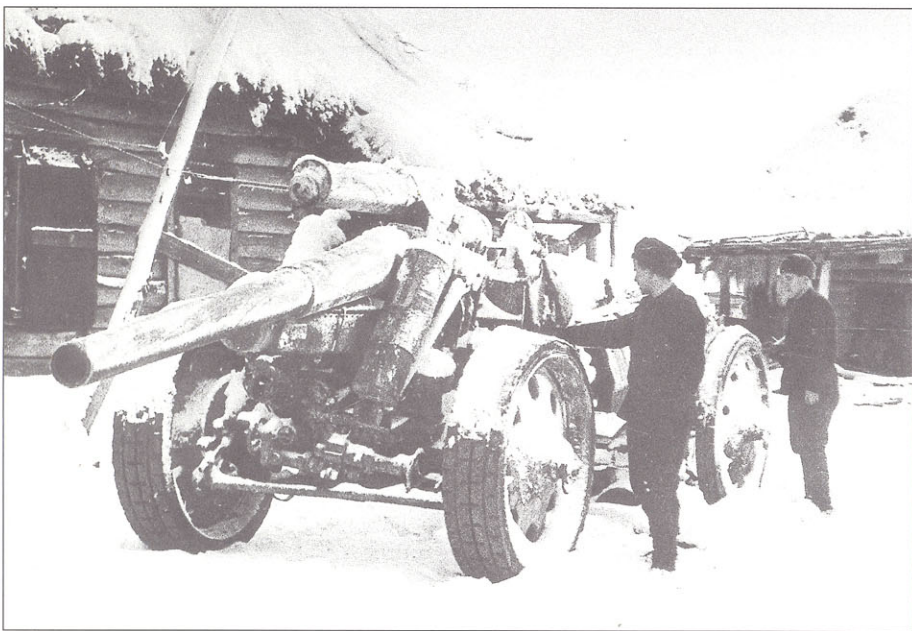
последний брошенный батальон может решить исход сражения».

Осознав невозможность пробиться «броней и колесами» на флангах, немецкие генералы решили 1 декабря прорваться в центре на участке севернее и южнее Наро-Фоминска. Но и тут на них обрушили контрудары 33-я Ефремова и 5-я Говорова армии. Потеряв в боях под Кубинкой, Акуловым и Бурцевым более 50 танков, немцы откатились назад. Это был последний порыв «Тайфуна».

Бывший начальник штаба 3-й танковой группы К. Вагнер впоследствии писал: «До 5.12 на всех участках фронта войска приостановили наступление самостоятельно, без приказа свыше...» Красная армия выиграла оборонительное сражение, немецкие ударные группировки были истощены и обескровлены. Только за 20 дней штурма (с 16 ноября по 5 декабря) немцы потеряли более 155 000 человек, 800 танков, 300 орудий и минометов и много другой техники.

Надежда немецких полководцев на сокрушающие фланговые танковые клинья не оправдалась. Решение советских полководцев, прежде всего Западного фронта, отразить штурм своими силами и сохранить резервы для решающего контрнаступления оказалось верным.

Провал операции «Тайфун» явился крупнейшим военно-политическим поражением Германии. «Теперь, — как писал начальник штаба 4-й армии Блюментрит, — даже в ставке Гитлера вдруг поняли, что война в России по сути дела только начинается...»

Немецкая 150-мм гаубица К-39, брошенная при отступлении под Тулой. Декабрь 1941 года.

Контрнаступление. Крах блицкрига

К началу контрнаступления обстановка на советско-германском фронте складывалась следующим образом.

На северном (Ленинградском) и южном (Ростовском) флангах уже наметился перелом, и с середины ноября до 5 декабря стратегическая инициатива постепенно перешла к советским вооруженным силам. Немцы, пытавшиеся в начале ноября ударом на Ростов открыть себе путь на Кавказ, к 29-му были отброшены назад далее исходных позиций, а 1-я танковая армия Клейста потерпела там серьезное поражение. Одновременно под Тихвином и Волховом ударная группировка 16-й немецкой армии, пытавшаяся соединиться с финскими войсками и окончательно заблокировать Ленинград, также потерпела тяжелое поражение под ударами наших войск. Эти контрнаступления успешно выполнили двойную задачу: разбили угрожавшие Ленинграду и Ростову группировки и не позволили немцам перебросить к Москве ни единой дивизии.

В третий раз в кампании 1941 года для обоих верховных главнокомандований и командований фронтов наступает момент принятия труднейших решений.

Германскому руководству не удалось достичь ни одной из целей плана «Барбаросса». Активная оборона Красной армии вынудила немцев прекратить все наступательные опера-

Транспортировка немецкой пушки, захваченной под Тулой. Декабрь 1941 года.

Немецкий грузовик Опель Kfz.305, подбитый и брошенный при отступлении под Тулой. Декабрь 1941 года.

Немецкая 105-мм гаубица FH18/40, захваченная под Тулой. Декабрь 1941 года.

Советские бойцы осматривают грузовик «Хорх», брошенный немцами под Тулой. Декабрь 1941 года.

ции, за исключением московского направления, где они еще надеялись добиться успеха. Но состояние войск группы армий «Центр» постоянно ухудшалось: потери в людях и боевой технике были огромны, в пехотных ротах численность упала до 60-40 человек, войска оказались совершенно не подготовлены к зиме, вследствие плохого базирования, нехватки горючего и технических материалов снизилась действенность авиации, артиллерии, танковых и мотодивизий. Под влиянием неудач ухудшилось и моральное состояние войск. У значительной части солдат и офицеров «начальный» победный «запал» сменился настроениями неуверенности и сомнения. Немецкое руководство обещало своим войскам легкую победу над слабым «полуварварским» врагом и быстрое окончание войны. Но русские оказались противником сложным, упорным, они сражались на смерть, самоотверженно защищая свою Родину, и перспектива войны становилась для немцев все более туманной.

Самоуверенность и недооценка противника сыграли с немецкими генералами коварную шутку. Как раз накануне перехода советских войск в контрнаступление германская разведка докладывала Гитлеру: «Силы русских не позволяют перейти им в крупное наступление без значительных подкреплений». Советское командование столь искусно и скрытно провело подготовку и выдвижение ударных резервов трех фронтов, что немцы до последнего часа не замечали их на своих флангах.

Жуков и штаб в ходе оборонительных боев ни на минуту не упускали главной цели — уловить момент, перехватить инициативу, и когда противник исчерпает свои наступательные возможности, нанести ответный удар. Фон Бок вводил все новые резервы. Но «последние батальоны» один за другим сгорали в русских снегах. Фронт его армий растягивался, силы все больше ослаблялись. Гёпнер и Гудериан выдыхались, начинали метаться по фронту в поисках слабых мест, и наступала пора нанести им внезапный ответный удар свежими армиями резерва.

29 ноября Жуков заключил: враг исчерпал возможности, момент приближается. Он доложил обстановку Сталину и обратился с просьбой отдать приказ о начале контрнаступления. Выслушав доклад, Сталин спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую группировку?

Жуков уловил вполне оправданные сомнения Сталина, хорошо понимавшего, какой цены будет стоить ошибка в преждевременном или запоздалом принятии такого поворотного решения, и твердо ответил:

57-мм самоходная установка ЗИС-30 на базе тягача Т-20 «Комсомолец». Западный фронт, зима 1941/42 года.

— Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

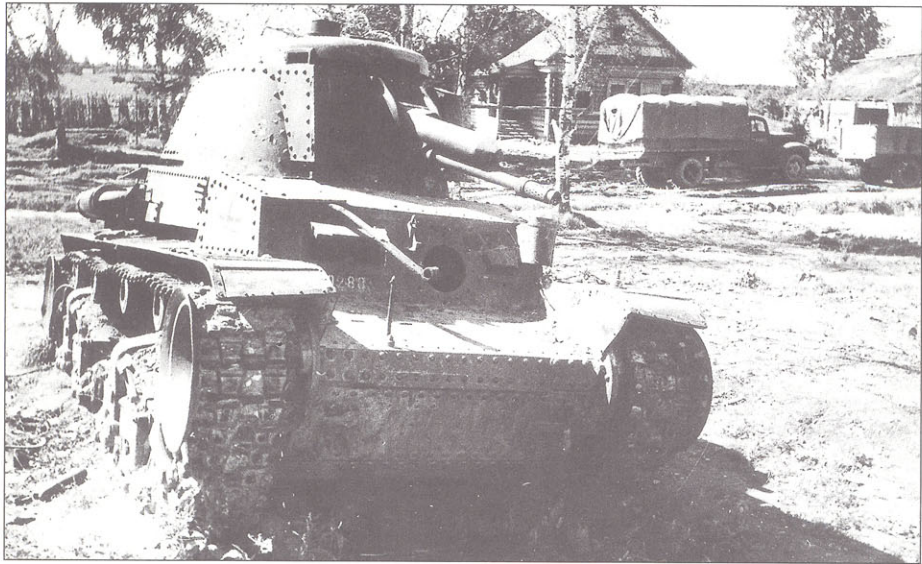
Сталин после краткой паузы сказал:

— Мы посоветуемся с генштабом.

Вечером того же 29 ноября Ставка приняла решение и потребовала представить планы контрнаступлений Западного, а также Калининского (И. Конев) и Юго-Западного (К. Тимо-

шенко) фронтов. План-карта Западного с красными стрелами ударов армий на глубину 60 км севернее и 100 км южнее Москвы была представлена на другой день, 30 ноября. К ней прилагалась объяснительная записка (Архив МО СССР 16-А, оп. 947, д. 36, л. 7072).

В плане контрнаступления ударным группировкам правого (16-я и 1-я ударная армии) и левого (10-я армия) флангов ставилась только ближайшая задача: «ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом

Немецкие танки чехословацкого производства Pz.Kpfw.35(t) находились на вооружении 6-й танковой дивизии, которая дошла под Москвой до Икши и Лобни.

Пулеметный расчет в снегах Подмосквья. Западный фронт, зима 1941/42 года.

крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группы Гудериана разбить противника на левом крыле Западного фронта». Остальным (5-я, 33-я, 43-я, 49-я и 50-я армии) ставилась задача сковать силы противника и лишить его возможности переброски войск. Две трети всей авиации должны были взаимодействовать с правой, остальная — с левой группировками. Начало наступления: на флангах — на рассвете 3-4 декабря, остальным — 4-5 декабря. В личной записке Жуков просил Василевского срочно доложить план Сталину и дать директиву, «иначе можно запоздать с подготовкой». План был незамедлительно утвержден без изменений с резолюцией Сталина: «Согласен».

Замысел разгрома немецкой группировки силами правого и левого крыла Западного фронта был довольно рискованным, потому что наступление предпринималось в чрезвычайно трудных условиях. В ноябре-декабре 1941 года промышленное производство в стране было самым низким за весь период войны. Эвакуированные на восток предприятия, не могли дать необходимого количества оружия и боеприпасов, а наши войска летом и осенью понесли большие потери в технике. От правительства, Ставки потребовались огромные усилия, чтобы мобилизовать максимум сил и средств.

В состав Западного фронта были переданы три армии (1-я ударная, 20-я и 10-я), девять стрелковых и две кавалерийских дивизий, восемь стрелковых и шесть танковых бригад, но их оснащение и подготовка были невысокими вследствие недостаточности вооружения и необученности войск. Ставка также усилила Калининский и Юго-Западный фронты. Авиация пополнилась истребительными и дальнебомбардировочными соединениями. В результате, в составе трех фронтов насчитывалось 1 100 000

человек, 7 652 орудия и миномета, 415 установок РС, 774 танка и 1 100 самолетов.

В группе «Центр» имелось 1 708 000 человек, 13 500 орудий и минометов, 1 170 танков и 615 самолетов. Она превосходила все три советских фронта вместе взятые в людях в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8 раза, в танках — в 1,5 раза и только в авиации уступала в 1,5 раза.

Жуков, планируя контрнаступление при нехватке оружия и невыгодном соотношении сил, прекрасно осознавал всю степень риска, на который шел. Но замысел вызревал на основе вполне реалистичной оценки обстановки. При этом особый расчет делался на ряд факторов, максимальное использование которых должно было принести успех.

Первое — внезапность. Фон Бок был уверен, что русские почти разбиты, резервов для наступления у них нет, а остатки Красной армии смогут зимой дустать лишь оборону около Москвы. Это заблуждение было нам выгодно. Но немцы могли в любую минуту «прозреть». Поэтому паузу для перехода советских войск от обороны к наступлению было решено предельно сократить или исключить вовсе. Быстро и скрытно подготовить армии в тех же полосах и группировках, а новые армии выдвигать только ночью, в метель, снегопад, в нелетную погоду, чтобы затруднить их обнаружение немецкой воздушной разведкой.

Второе. Немцы в наступлении не имели подготовленных позиций для отражения встречных ударов. Поэтому в первые же дни, даже часы, возможно решительно смять их передовую, не дать сесть в оборону, в траншеи, дзоты, укрепления или закрыться минными полями... Пройбание будет стоить большой крови.

Третье. Фронт у фон Бока растянут, оперативных резервов нет. Чтобы парировать удары,

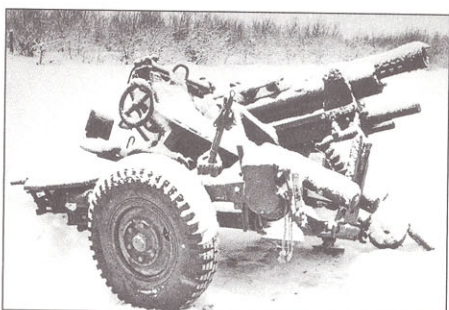
он будет перебрасывать подкрепления с не атакуемых участков. Значит надо упреждать его и срывать перегруппировки, хотя он и будет скован ударами по флангам Калининским и Юго-Западным фронтами.

Четвертое. Немцы измотаны непрерывным наступлением, их потери велики, к зиме они не подготовлены, снабжение недостаточное. Поэтому, используя местное превосходство советской авиации, крушить их тыловые базы, рвать их операционные линии.

Вместе с планом Западного, наносившего главный удар, были утверждены планы Калининского и Юго-Западного фронтов с задачами: Калининскому — нанести удар по 9-й немецкой армии, взять Калинин, выйти в тыл Клинской группировки и совместно с Западным уничтожить ее; Юго-Западному — разгромить Елецкую группировку, выйти во фланг и тыл 2-й танковой Гудериана и вместе с Западным разгромить ее.

Таким образом, замысел Ставки о контрударе трех фронтов воплотился в целый план разгрома всей центральной группировки противника на тысячекилометровой линии от Калинин до Ельды.

План Западного фронта, как и в целом план Ставки, имел характерные особенности, которые до сих пор являются предметом обсуждения историков. Определялись только ближайшие задачи, а последующие ставились и согласовывались между фронтами в ходе контрна-

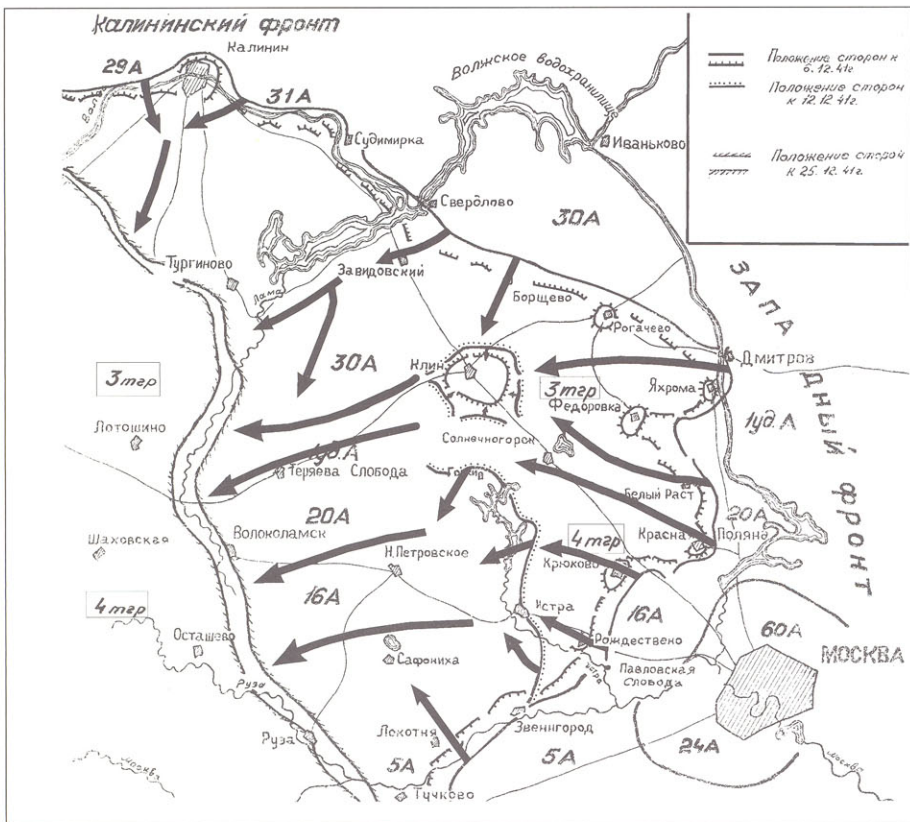

Немецкая 75-мм горная пушка GebG 36, брошенная при отступлении под Тулой. Декабрь 1941 года.

ступления. Эти особенности объясняются ограниченностью сил и средств, имевшихся тогда у Ставки. Жуков свидетельствует: «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери». И отмечал также, что «в наших замыслах еще не было четко обоснованного мнения о том, что нами затевается такое грандиозное контрнаступление, каким оно потом оказалось... специального приказа или общей директивы на контрнаступление не отдавалось. Боевые задачи войскам... ставились последовательно отдельными директивами штаба фронта».

В атаке подразделения 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. Пехоту поддерживают легкие танки Т-40. Подмосковье, район наступления 33-й армии, декабрь 1941 года..

Контрнаступление советских войск под Москвой на правом крыле Западного фронта в декабре 1941 года

Контрнаступление началось в установленные сроки. За первые шесть дней были разгромлены передовые немецкие дивизии и захвачены важные по оперативной значимости пункты и районы. Начал Калининский фронт. Его 29-я и 31-я армии атаковали на рассвете 5 декабря и, ломая упорное сопротивление немцев, прорвали оборону южнее Калинина. 6 декабря на врага обрушились армии Западного: на правом крыле — 1-я ударная и 20-я, на левом — 10-я, а 7-8 декабря — 16-я армия, оперативная группа П. Белова и 50-я армия. На Елецком направлении с 6 по 8 декабря начали наступление 13-я и 3-я армии и группа Ф. Костенко. По всему фронту на калининском, клинском, солнечногорском, истринском, тульском и елецком направлениях развернулись ожесточенные бои. Немцы, застигнутые врасплох, пытались сопротивляться, но, не выдержав натиска, оказались выбитыми: 8 декабря из Крюкова, 11 декабря из Истры, 12 декабря из Солнечногорска. 30-я армия еще 9 декабря прорвалась на подступы к Клину. На левом крыле 10-11 декабря Гудериан был отброшен под Епифань и Сталиногорск, и откатывался от Тулы.

На бывших позициях в городах и на станциях немцы оставляли тысячи убитых, разбитые и брошенные танки, орудия, автомашины, склады и эшелоны с боеприпасами и техникой. Еще недавно победоносный немецкий фронт рушился и отступал.

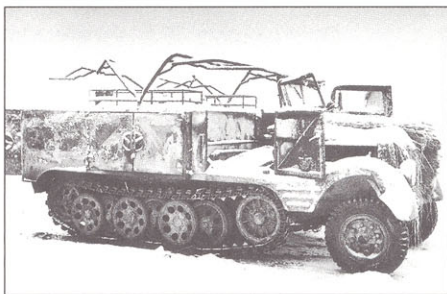
Каким же было ответное решение верховного германского командования? В ставке Гитлера все были ошеломлены внезапным контрнаступлением русских на всем центральном фронте. Гитлер не хотел верить донесениям штаба сухопутных войск и штаба группы «Центр». Он считал все эти сообщения преувеличением перепугавшихся генералов. По свидетельству его окружения, он был настолько поражен неожиданным оборотом событий, что не мог даже воспринять саму мысль о том, что почти побежденные русские вдруг оказались сильнее. На срочном совещании 6 декабря он раздраженно вышлепнул свои сомнения руководителям вермахта: «Даже если вооруженные силы потеряли 25% своего состава, все равно русские... понесли значительно большие потери в боевом составе, и если наши дивизии удерживают уча-

стки в 30 км по фронту, это свидетельствует о недостаточной силе противника».

Но в высшем немецком штабе находились и те, кто не мог не видеть катастрофичность положения группы армий «Центр». В дневнике Гальдера читаем: «Самым ужасным является то, что верховное командование не понимает состояние наших войск и занимается латанием заплат, в то время как делу может помочь только принятие принципиальных решений. Одним из решений такого рода должно быть решение об отводе войск группы армий «Центр» на рубеж Руза — Осташков».

8 декабря Гитлер отдал приказ о стратегической обороне. Но и в нем он оценивал успехи русских как временные, обусловленные их большей приспособленностью к зиме. Поражение немецких войск Гитлер упорно считал случайностью, отмечая в приказе, что войска русских худшие, уступают по численности и «что бои такого рода выигрываются в первую очередь крепостью нервов и это касается главным образом командования. Русские в данном случае доказали крепость нервов». Далее немецким войскам приказывалось «не делать ни шагу назад с прежних позиций», отходить только в случае отсутствия боеприпасов.

Таковы решения верховного гитлеровского командования, принимавшиеся в крайне нервозной атмосфере под впечатлением внезапно рухнувших планов. Генералы приказывали частям сражаться до последнего, но наиболее опытные из них осознавали тупиковость и ги-

Немецкий полугусеничный транспортер Sd.Kfz. 11, брошенный под Тулой. Декабрь 1941 года.

бельность для войск гитлеровских решений. Поражает безнадежностью и мрачностью оценка ситуации самим фон Боком. Он считал, что в создавшейся обстановке было «бессмысленно требовать от войск не делать ни шагу назад. Фактически для группы армий «Центр» оказалось невозможным как отступление, так и ведение сдерживающих боев, ибо и то и другое вело к большим людским потерям». Невольно напрашивается мысль: при такой оценке и построении полководцы обычно капитулируют. Сломленного фон Бока Гитлер позже отстранил от командования.

Советское контрнаступление успешно развивалось на флангах и в центре. Для прорывов фронта противника и преследования создавались ударные оперативные подвижные группы

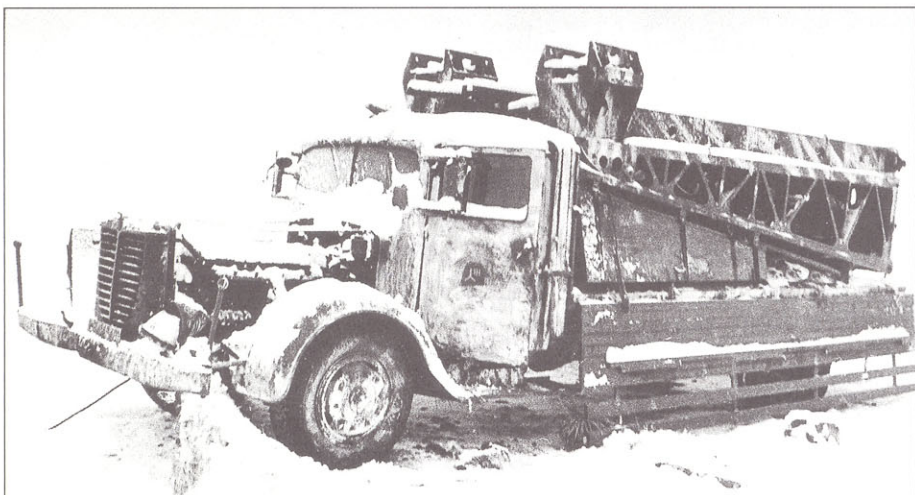
Легкие танки БТ прибывшие на фронт из Сибири, из Иркутска. На ближнем танке имя Зои Космодемьянской, героически погибшей при обороне Москвы. Весна 1942 года.

в составе танковых и кавалерийских соединений. На левом крыле группа Ф. Костенко и 13-я армия Юго-Западного фронта 13 декабря ворвались в Елец, а 16 декабря окружили и уничтожили основные силы 34-го корпуса немцев и сковали часть сил 2-й танковой армии Гудериана. Одновременно 10-я и 50-я армии Западного нанесли удар с севера, а группа Белова (1-й кавкорпус и танковая дивизия Гетмана) ворвались в Сталиногорск. 13 декабря части 10-й армии взяли Епифань. Немецкая 2-я танковая армия, охваченная с флангов севернее и южнее Тулы, попала в мешок, ее дивизии понесли большие потери, и Гудериан поспешил выскочить из мешка и устремился прочь от Москвы, бросая

тяжелое оружие, автомашины, танки и тягачи. Он так и не выполнил свой план обхода Москвы с юга.

За десять дней наступления армии левого крыла продвинулись на 130 км, сняли осаду Тулы и вышли на линию Старица — Малоярославец — Калуга. Из Калуги 10-я армия выбила немцев 30 декабря 1941 года.

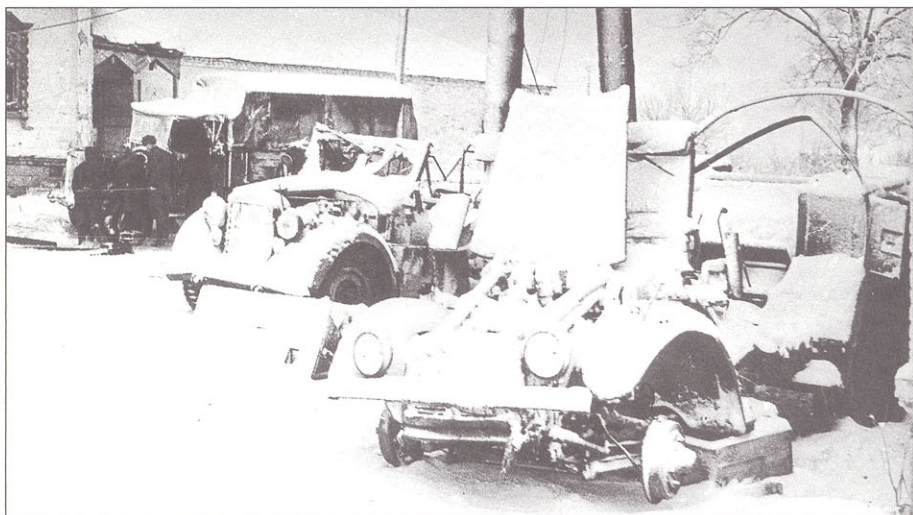
Армии правого крыла Западного и левого крыла Калининского фронтов опрокидывали весь северный фланг группы армий «Центр». Фон Бок лихорадочно перегруппировывал сбитые с позиций и расстроенные войска. 3-ю и 4-ю танковые группы, понесшие большие потери, пришлось свести в одну под командованием

Немецкий грузовик MAN, брошенный врагом при отступлении под Тулой. Декабрь 1941 года.

Танк МК III «Валентин II» из 136-го отдельного танкового батальона Красной армии на подступах к Рузе.

Автомашины, брошенные немцами под Тулой. Декабрь 1941 года.

Бронеавтомобили БА-20, БА-6 и БА-10 из 112-й танковой дивизии РККА. Декабрь 1941 года.

Гёпнера и поставить ей задачу: до последней возможности держать рубежи под Истрой и Солнечногорском, чтобы не дать русским захватить Клин — крупный узел, через который отступали основные силы немцев. Он стремился выиграть время для подготовки обороны на рубеже рек Лама и Руза. Но маневр не дал существенных результатов.

Жуков действовал опережающе. Под натиском 16-й, 5-й и 20-й армий, взявших Истру, Локотню и Солнечногорск, объединенная группа Гёпнера не устояла. И хотя немцы, взорвав дамбу Истринского водохранилища, пытались удержать позиции, из этого ничего не получи-

лось. Рокоссовский подвижными группами М. Каткова и Ф. Ремизова обошел их с флангов и, сбив сильные полевые заграждения, продвигался на запад. 15 декабря 1-я ударная Кузнецова и 30-я Лелюшенко ворвались в Клин и разгромили две моторизованные и одну танковую немецкие дивизии. В то же время 29-я и 31-я армии Калининского фронта, перехватив пути отхода немцев, 16 декабря взяли штурмом Калинин. Отказ немецкого гарнизона капитулировать стоил немцам только убитыми свыше 10 тысяч солдат и офицеров.

Разгром южного и особенно северного фланга группы «Центр» поверг в смятение не-

мецкое командование и вызвал острые разногласия среди генералитета. Показательны события середины декабря. Главком сухопутных войск генерал-фельдмаршал В. Браухич 13 декабря прилетел в Смоленск. Там фон Бок, раскрыв перед ним реальную картину катастрофы, прямо заявил: воевать по-прежнему (видимо, он имел в виду приказ Гитлера), значит обречь войска на полное уничтожение. Браухич 14 декабря на встрече с командующими армиями убедился в неизбежности отступления и, следовательно, краха блицкрига. Требовалось отвести армии хотя бы на рубеж Руза — Воло-

коламск — Старица. Но он знал об упорстве Гитлера. Тогда Браухич обратился к находившемуся в штабе группы личному адъютанту Гитлера Шмундту с просьбой склонить фюрера к нужному решению. И утром 14 декабря получил нужный приказ. Однако уже вечером того же дня Гитлер отменил свое решение.

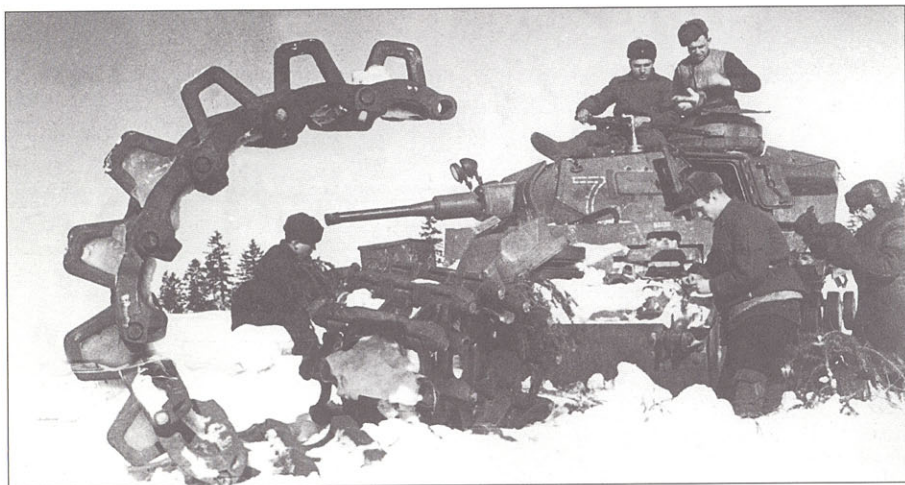
Гитлер продолжал метать громы и молнии на головы своих генералов. Он еще надеялся на изменение обстановки под Москвой и напроочь отвергал саму идею отступления на меридиан Вязьмы для зимовки. 16 декабря он провел совещание с руководством вермахта и категори-

Командиры броневедомства БА-10 и танка Т-34/76 уточняют боевую задачу. 1-я гвардейская танковая бригада, январь 1942 года.

Танки Т-34/76 из 1-й гвардейской танковой бригады во время контрнаступления советских войск под Москвой. Западный фронт, зима 1941/42 года.

Советская ремонтная бригада осматривает оставленный при отступлении немцами танк Pz.Kpfw.III из 10-й танковой дивизии. Западный фронт, январь 1942 года.

чески потребовал «удерживать фронт до последнего солдата». На этом же совещании Гитлер решил снять с постов Браухича, фон Бока, Гудериана и других генералов как не способных руководить войсками в кризисных ситуациях и сам занял пост главнокомандующего сухопутными войсками.

По телефону Гитлер внушал своим генералам, что если начать отход, русские будут следовать по пятам, и немецкие армии не смогут остановиться. В тылу нет подготовленных рубежей и «слова «отступление Наполеона» станут реальностью». Канарис, начальник военной разведки (Абвер) писал: «Ужасающие последствия нашей преступной недооценки врага. Шмундт проводит параллель с 1812 годом и го-

ворит, что наступил «момент истины» для национал-социализма. Потери вооружения и снаряжения громадны — уничтожаются или бросаются танки, орудия, самолеты». Адмирал со страхом отмечал: «Ужасающие последствия принесло наше обращение с русскими военнопленными. Большевики ныне реагируют на массовые убийства и варварское обращение с их товарищами».

И действительно наши бойцы, вступая в освобожденные города и села, видели жестокие следы немецкого господства.

По случайному совпадению именно ночью того же 16 декабря Жуков отдал приказ о продолжении наступления. Введенный в прорыв 2-й кавкорпус Доватора, вместе с 22-й танковой

Останки немецкого самолета Bf 109, брошенные под Москвой во время отступления группы армии «Центр».

Войска 33-й армии в тылу врага. Западный фронт, январь 1942 года.

бригадой прорвался в район оз. Тростенское и начал продвигаться к реке Руза. Перешли в наступление и армии центра фронта. 26 декабря был взят Наро-Фоминск. 33-я и 43-я армии, преследуя противника, к концу декабря вышли к рекам Протва и Лужа и 2 января 1942 года освободили Малоярославец, а 4 января — Боровск.

Контрнаступление под Москвой было первым генеральным наступлением советских войск в Великой Отечественной войне и проходило не без трудностей и просчетов. Командиры всех рангов еще только приобретали «наступательный опыт». Многие опасались идти

на смелые маневры, обходы и охваты, глубокие прорывы, боялись попасть в окружение, прибегали к лобовым атакам. Жуков и штаб в директивах и приказах резко указывали на эти промахи. Например, в директиве от 09 декабря 1941 года говорилось: «Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые части совершенно неправильно ведут бой и вместо стремительного продвижения вперед путем обхода арьергарда противника ведут фронтальный затяжной бой с ним. Приказываю: категорически запретить вести фронтальные бои с прикрывающими частями

Советская пехота проходит мимо брошенного немецкого танка Pz.Kpfw.II Ausf.C. Подмоскowie, район Солнечногорска, декабрь 1941 года.

Разведгруппа 354-й стрелковой дивизии в освобожденном селе Московской области. Район наступления 16-й армии, январь 1942 года.

Захваченное советскими войсками 150-мм немецкое самоходное орудие sIG 33 (sf) auf Pz.Kpfw.I Ausf.B. Западный фронт, декабрь 1941 года.

противника, запретить вести бои против укрепленных позиций, против арьергардов оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника...» Или из директивы командарму-30 Д. Лелюшенко: «Удар стройте кинжалом на узком фронте. Ударную группировку хорошо окаймите ПТО со всех сторон...»

К 7-10 января 1942 года наступательные возможности трех фронтов иссякли, фактор вне-

запности себя исчерпал. Противнику удалось зацепиться за ряд естественных рубежей и организовать сильную оборону. С выходом фронтов на линию Орешки — Старица — р. Лама и р. Руза — Малоярославец — Калуга — Мосальск — Сухиничи — Белев — Мценск — Новосиль закончился первый этап контрнаступления под Москвой. С этой линии началось уже общее наступление Красной армии, продолжавшееся с января по апрель 1942 года.

Вручение наград военнослужащим 33-й армии. Советско-германский фронт, район Вязьмы, февраль 1942 года.

Колонна немецких танков Pz.Kpfw.III отступает от Москвы. Декабрь 1941 года.

Заклучение

Битва под Москвой стала тем самым генеральным сражением кампании 1941 года, к которому изначально стремилось военно-политическое руководство Германии, начиная blitzkrieg против СССР. И это сражение закончилось поражением немецких войск. Вермахт понес большие потери в людях и технике, а немецкие армии были отброшены от Москвы на 200 — 400 км. Но главное значение этой битвы даже не в этом.

Победа советских войск под Москвой явилась началом поворота во Второй мировой войне. Перед Германией встала реальная угроза затяжной изнурительной войны, на которую гитлеровское руководство никак не рассчитывало. Быстрым

разгромом СССР Гитлер намеревался утвердить немецкую гегемонию в Европе и уничтожить последние надежды Англии найти хоть какую-нибудь поддержку для продолжения войны с Германией. Получилось наоборот. Англия и Соединенные Штаты, поначалу занимавшие осторожно-выжидательную позицию, наблюдая за противоборством на восточном фронте, теперь, поглубже запрятав камень за пазухой, решились, наконец, заключить с СССР договор о союзе и войне против Германии (оформлены в мае — июне 1942 года). И хотя Гитлер вполне резонно расценивал этот союз как противоестественный, тем не менее он получал в противники мощную «антигитлеровскую коалицию» и перспективу войны на два фронта. Такого стратегического значения нашей победы под Москвой.

Штабные автомобили Kfz.82, брошенные из-за нехватки горючего. Декабрь 1941 года.

Колонна танков Т-34/76 из 17-й танковой бригады Красной армии. Декабрь 1941 года.

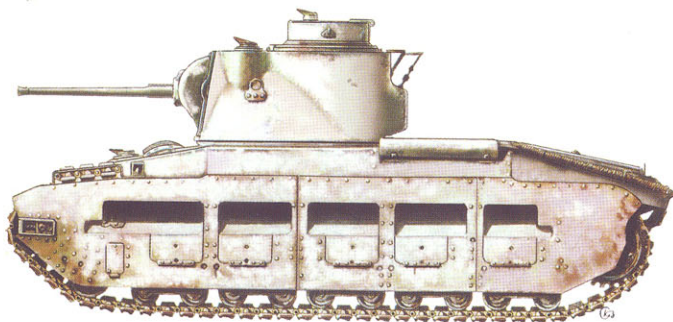
Что касается оперативно-тактической оценки Московской битвы, то следует отметить, что Красная армия выиграла это первое генеральное сражение войны не превосходством сил и средств и отнюдь не превосходством тактических приемов. Советские солдаты и офицеры превзошли противника силой духа: стойкостью и выдержкой, самоотверженностью и волей к победе, — качествами которые берут свое начало в глубинах национального русского характера.

Немецкие стратеги, в соответствии с доктриной молниеносной войны, делали основную ставку — и теоретически это правильно — на маневренность и пробивную мощь объединенных в ударные группировки танковых и механизированных соединений, на их способность быстро прорывать фронт, совершать обходы-охваты и окружения. Но эта стратегия, приносившая успех в Западной Европе, стала давать сбои с первых же дней войны против СССР. Армии европейских государств после глубокого прорыва их фронта немецкими танковыми клиньями уже не оказывали серьезного сопротивления, отступали или сдавались, считая дело проигранным. В России перед немцами предстал совершенно иной противник. Уже 29 июня 1941 года начальник Генерального штаба германских сухопутных войск записал в своем служебном дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, что теперь уже недопустимо». И далее запись от 20 июля: «Отдельные группы противника, продолжая оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием».

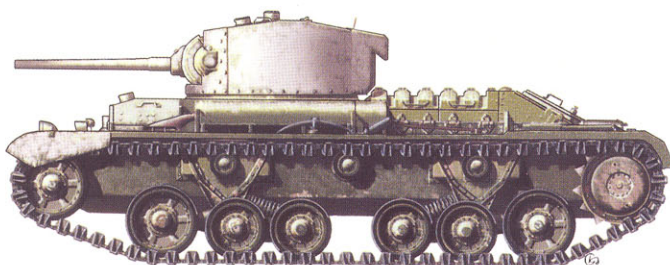
Советские войска не сразу нашли способы эффективного противодействия стратегии и тактике немецких генералов. Конечно, «война моторов» не была для наших военачальников «в диковинку», но реальная подготовка к ней офицерского корпуса Красной армии и техническое оснащение советских войск оказались в 1941 году не на должной высоте. С другой стороны, немцы, окрыленные успехами на Западе, стали слишком преувеличивать силу своих подвижных войск и явно недооценили возможности и искусство своего русского противника. С начала войны они шаблонно прибегали к одному и тому же оперативно-тактическому приему глубоких танково-механизированных прорывов с последующими фланговыми обходами-охватами. Немецкая тактика имела очевидный успех пока русские «терялись» при виде прорвавшихся немецких танков и «бегали» от них. Но к осени 1941 года все большее число советских офицеров и солдат осознали что можно и нужно, во что бы то ни стало, сражаться и побеждать «даже стоя на одном колене». Наглядный тому пример — прорыв из окружения «перевернутого» Брянского фронта или оборона Тулы. И здесь важно отметить также, что, несмотря на катастрофу под Вязьмой в октябре 1941 года, дух боевого сопротивления советских войск не только не был сломен, но постоянно возрастал. В ноябре и в начале декабря немцы продолжали наступать, и подошли к Москве на 20-30 км, но ни впечатляющих прорывов, ни значительных окружений совершить уже не смогли. Образно говоря, в этот период немцы уже не столько развивали свой успех, сколько все больше и больше сжимали невидимую пружину, в декабре силы их иссякли, пружина сорвалась и нанесла им сокрушительный ответный удар.

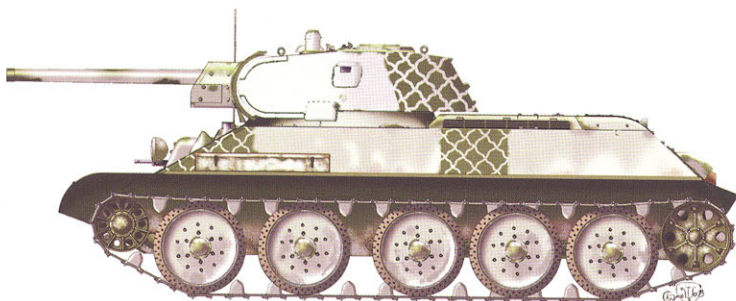
Разбитая немецкая техника в одном из городов Подмосквья. Западный фронт, январь 1942 года.

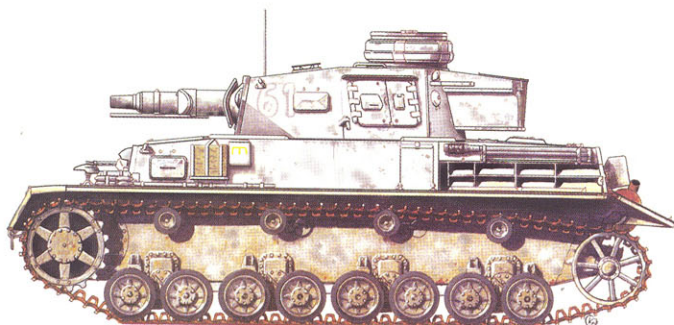
Танк английского производства Mk II Matilda II из 132-го отдельного танкового батальона Красной армии. Северо-Западный фронт, январь 1942 года.

Танк английского производства Mk III Valentine II из 136-го отдельного танкового батальона Красной армии. Западный фронт, декабрь 1941 года.

Т-34/76 из 1-й гвардейской танковой бригады в зимней защитно-деформирующей маскировочной окраске. Западный фронт, январь 1942 года.

Средний танк Pz.Kpfw.IV Ausf.E из 20-й танковой дивизии вермахта. Декабрь 1941 года.

К середине 1930-х годов развитие новых видов вооружений привело к резкому увеличению количества подвижных моторизованных соединений в армиях всего мира. Это позволило решительно пересмотреть прежнюю тактику боевых действий, полагавшуюся на опыт неторопливой и позиционной Первой мировой войны. «Война моторов» позволяла быстро сосредоточить основные ударные силы на узких участках фронта, добиться там решительного превосходства над врагом и, взломав его оборону, стремительно развивать наступление. Появилась реальная возможность быстрого разгрома вооруженных сил противника до того, как он сможет осуществить свои мобилизационные планы и опереться на неисчислимые ресурсы и резервы. Именно на таком развитии военных действий и была основана идея блицкрига, которую немецкие генералы с успехом осуществляли в первый период Второй мировой войны. Сражение под Москвой в конце 1941 года положило конец этому успеху.

ISBN 5-94038-051-4

